

КСЕНИЯ МЭЛИ

ПУТЕШЕСТВИЕ ДЛИНОЙ В СТОЛЕТИЕ

XENIA MAENLY

A VOYAGE ACROSS A CENTURY

Посещается Сандре, Ни и Кэти.

Предисловие

Это небольшое сочинение - лишь сжатый и несколько сумбурный набросок моего странствования длиною почти в век (и какой век!). Оно объединяет небольшое количество семейных преданий и целый ряд событий, впечатлений, образов и отрывков воспоминаний, которые, - и не связанные вроде бы между собой - все же сопровождали меня в хронологическом порядке, в каких бы ситуациях и условиях я не оказывалась. Я же только надеюсь, что сочинение это окажется интересным и легким для чтения.

Хотелось бы выразить мою сердечную признательность Тасселу Смиту за его помощь в подготовке этой рукописи.

РОССИЯ.

Я и моя сестра - близнецы родились в 1908 году. В то предвоенное время Санкт Петербург назывался Петроград. Мы принадлежали к интеллигентной семье - не богатой но хорошо обеспеченной и образованной. Наш дедушка (по линии отца) в течение многих лет был генерал-губернатором Ташкента. Он многое сделал для экономического развития этого региона. После его смерти наша бабушка переехала с детьми в Санкт-Петербург. Папина сестра Елена Полевицкая стала одной из самых почитаемых и любимых драматических актрис в России. Наш отец стал инженером-электриком, а мама была врачом. Когда мы, близнецы - Ирина и я - родились, она ещё училась в медицинском училище. Наш брат Игорь появился на свет тремя годами позже.

Жили мы с большим комфортом в прекрасной квартире, окна которой выходили в большой живописный сад несколькими этажами ниже. У нас был повар, горничная и гувернантка-француженка, которая общалась с нами исключительно по-французски. Таким образом, уже с раннего возраста мы владел» двумя языками.

Наша бабушка, Ляля (как её называли), жила со старшим сыном в более просторных апартаментах на нижнем этаже. Мы, дети, были там завсегдатаями. Нам очень нравилось плавать в её огромной ванной. Иногда к нам присоединялся бабушкин котёнок, который обожал купаться и играть с нами. Специально для крохотного смелого создания приготавливалось полотенце. Было весело. Раз в неделю в большой гостиной, Зале, устраивались танц-классы. Пианист должен был играть разные бальные танцы, а учитель давал инструкции и руководил наряженной толпой из молодых коллег и друзей наших родителей. Это было восхитительно! Нам, конечно, не разрешалось находиться в Зале однако, спрятавшись под большим обеденным столом в смежной комнате, мы наблюдали чудесное веселье. Как же нам хотелось тогда, чтобы мы поскорей выросли и могли бы так веселиться! В общем-то, в скором времени наши мечты отчасти осуществились, но только вот веселья не было...

На летние каникулы мы часто ездили в Финляндию. Пляжи, озёра и леса, полные осенью чудесных грибов, приводили нас в восторг, и всё это великолепие-всего лишь в часе езды на поезде от границы!

Как-то, в один прекрасный день, папа, вдохновившись, приобрёл этот небольшой участок земли в деревне Антре {Antrea). На этой территории был замечательный луг, простой и уютный дом (правда, без электричества и водопровода), теплица и сарай. К реке Вуоксе террасами спускалась лестница. Дважды приезд в наше «имение» спас наши жизни. Жизнь казалась безоблачной и приятной. Но ненадолго.

Когда нам было семь или восемь лет Россия уже была объята смутой, которая скоро ввергла всю страну в ужасный и жестокий хаос революции

К счастью для нас мы были уже в относительно безопасном месте - в Антре с нашей молодой учительницей-француженкой Мы остались в живых, хотя некоторые бомбы падали довольно-близко от нашей деревни (финны не дружили с большевиками)

Но наши родители задерживались в Петрограде и безумно беспокоились о нас Им удалось нанять лошадь и сани, и пересечь застывшее Ладожское озеро. Они оказались в лесах, которые были полны сбитыми с толку и отчаявшимися солдатами, возвращающимися со страшных сражений первой Мировой войны. Почти чудом наши родители смогли пересечь границу и присоединиться к нам в нашем маленьком убежище.

Чтобы как-то свести концы с концами, наша мама устроила дома небольшую «частную практику» Жители деревни расплачивались с ней продуктами. Папа выращивал в теплице все, что мог.

Впрочем, мы не могли далее оставаться в Антре. Мы читали в газетах и до нас доходили слухи о том, что Белая армия с успехом сражалась с большевиками и, что Мурманск был хорошо защищенным и безопасным местом, так как там стоял флот союзников. И вот, решение принято: мы едем в Мурманск.

На поезде мы промчались через Швецию и обогнули берег Норвегии на довольно комфортабельном корабле. Позже мы узнали, что приятный пожилой мужчина, который нянчил двух совершенно похожих малюток на коленях рядом с нами, был президентом Финляндии! Но, добравшись до рыбацкой деревни Нарвик, мы застряли. Наш корабль уже однажды тонул, но кое-как его здесь подлатали Наш капитан слыл смертельным пьяницей, и его пришлось разыскивать по всем местным барам. Тем временем мы, трое полных энергии ребяташек, радостно бегали по немощеным улочкам-Нарвика. Они были завешаны рядами вяленой рыбы, которая висела над нашими головами Все это замечательно пахло.

Возглавляя наше трио, я побежала на палубу корабля и не заметила, что трое матросов, которые мыли дощатый пол, оставили открытым люк. Я бы точно упала вниз-прямо в мерцающую далеко внизу воду, если бы не один из матросов, сидевших -на краю люка. Он молниеносно схватил мою протянутую руку в свою огромную лапищу и вытащил меня. Так мы и стояли - могучий, высокий норвежец и Я девятилетняя русская девочка- и не могли до конца понять, что же произошло. Потом я вскочила и побежала с другими в грязный «салон», в котором и провела оставшуюся часть пути до Мурманска. Только позже я осознала происшедшее и очень сожалела, что не поблагодарила моего спасителя и даже не узнала его имени.

В 1918 - 1920-х годах Мурманск был всего лишь деревней, состоящей из деревянных домов. Госпиталь, который возглавила мама, представлял собой двух-или трёхэтажное деревянное строение, окружённое избами. Ближайшая к больнице изба стала нашим домом. Внутри неё имелась огромная дровяная плита у входа и коридор, в конце которого были, на одной стороне - кухня с дровяной плитой для готовки, на другой - две одинаковые двери. Одна вела в туалет, а другая - в кладовую.

Благодаря тёплому течению Гольфстрим гавань действовала круглый год и, как и предполагалось, была полна кораблями флота союзников. Множество докторов с кораблей восхищались своей молодой коллегой, которая рискнула перебраться с семьёй в такое странное и опасное место. Наша кладовая скоро наполнилась большим количеством прекрасных консервов, что представляло тогда для нас огромную ценность.

Большинство квалифицированных специалистов и их семьи из Мурманска. Одни собирались отправляться на кораблях Союзного флота, другие - на эскимосских оленьих упряжках через север Норвегии.

Но мы остались. Папа запустил в ход электростанцию, мама большую часть дня поводила в больнице, а мы должны были заготавливать дрова для двух плит готовить еду и прибирать дом. Рыба была доступна круглый год, и мы начали уже кое-что понимать в рыбной кухне.

Для нашего воспитания и образования папа нашёл прекрасного учителя, молодого студента университета по имени Лев Евгеньевич. Мы его называли Львом, когда он сердился и Евгеничем, когда он бывал добр и доволен нами. Он очень вдохновенно раскрывал перед нами красоту русской литературы и поэзии, а также мог сделать интересными такие скучные для нас дисциплины, как история и география. Его уроки математики были познавательны и волнующи. Всё это очень скоро сделало Льва Евгеньевича нашим самым дорогим и близким другом. Он иногда даже с нами ходил на лыжах.

Да! Лыжи! Расположенный примерно в трёхстах километрах за полярным кругом, Мурманск является удивительным местом. Каждый год в течение трёх месяцев солнце вообще не появляется на небе - круглые сутки царит ночь! Природа компенсирует недостаток света совершенно фантастическими северными сияниями. В начале они представляют собой трёхцветные мерцающие иглы, из которых составляются целые развивающиеся ленты. Иногда кажется, что одна из таких лент вот-вот упадет прямо перед тобой. Потом всё превращается в облако искрящегося света Северное сияние - едва ли не самое прекрасное и величественное зрелище на свете. Оно освещало нам белые заснеженные горы и отражалось от тёмных вод залива

У нас, конечно, не было лыжного снаряжения, и никто нас не обучал. Мы надевали тёплые носки поя валенки, которые привязывались к широким, довольно коротким норвежским лыжам. Мы надевали шапки из оленьего меха с длинными ушами, которые можно было обмотать вокруг горла, а для удержания равновесия пользовались палками. Луна была такая огромная и яркая, что при её свете можно было читать и писать Это было очень важно, так как на нас возлагались обязанности по организации приёмов и развлечений во время праздников - дней рождений, Рождества и Пасхи. Мы писали стихи (как правило довольно скверные) и даже пьесы, которые сочинялись и ставились с огромным энтузиазмом.

Постепенно атмосфера в Мурманске всё более накалялась по мере приближения частей Красной Армии. И вот они пришли... После незначительной перестрелки раненые с обеих сторон были доставлены в мамин госпиталь. Город неожиданно наполнился красными.

Много их явилось к нашему дому со штыками наизготовку. Они потребовали, чтобы отец шёл с ними. Сестра, выскользнув незаметно из дому, понеслась в больничную операционную, где мама оперировала красноармейца «Беги скорей, - закричала Ира, - они забирают папу!» Ммя бросила скальпель и, не сняв даже окровавленный халат, как вихрь ворвалась в дверь. «Оставьте моего мужа в покое, или я не буду дальше оперировать одного из ваших товарищей», - сказала она Солдаты ушли. Им было известие, что мама - единственный врач, который остался в Мурманске Позже выяснилось, что только папа мог управлять электростанцией. Так что нас до поры до времени оставили в покое.

Страх и горе охватили Мурманск. Мы больше ни разу не видели нашего любимого учителя. Двое вооружённых солдат пришли к нам с обыском. Что они искали? Оружие? Взрывчатку? Секретные документы? В конце обыска один из них распахнул дверцу подвесного платяного шкафчика над кроватью Игоря. На голову ему обрушилась куча грязного нижнего белья вперемежку со Старыми больничными пижамами и какими-то деревянными игрушками. Второй листал большие медицинские книги, полные ужасных картинок. Они уже начали разочароваться, и когда они дошли до коридора с двумя

похожими дверями, один из них расстроено буркнул: «Туалеты?», я поспешила ответить; «Да, конечно!» Наконец они ушли, и наши драгоценные консервы были спасены. Но случилась другая беда. Мама заразилась оспой от больного, которого она лечила в Госпиталь был пуст, не было даже медсестры Отец поместил заболевшую маму в госпиталь, в затемнённую двухместную палату и, следуя её указаниям, привязал её руки к койке. Он ухаживал за ней день и ночь и приходил ненадолго домой пообедать и отдохнуть. Это было ужасное время безграничной тревоги. Для обслуживания электростанции папа оставил хорошо обученного ассистента, следовательно, ничто не беспокоило нас во время маминой болезни. Быстрое выздоровление стало возможным благодаря любви, искусной заботе и сильному организму матери Обессиленная, с отёкшим и красным лицом, мама вернулась домой Запасы из кладовой способствовали дальнейшему выздоровлению. На её нежном лице не осталось ни малейшего следа от оспин. Всё же мы понимали, что такое снисходительное отношение не продлится слишком долго. Нам нужно было как-то бежать.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ФИНЛЯндию.

Мамина болезнь позволила папе не вызывая подозрений пробраться из Мурманска в Ленинград. Там действовало несколько подпольных организации, которые, собирая паспорта умерших иностранцев, помогали преследуемым интеллигентным семьям выбраться из страны. Финской организации удалось подобрать пять паспортов, соответствующих нашему описанию и возрасту. По документам папа вообще не принадлежал к семье, а две девочки не были близнецами, но это всё маловажные детали.

Как только представилась возможность, папа вызвал нас в Ленинград. С минимальным количеством багажа и без суматохи нам удалось сесть в поезд в небольшой багажный вагон. Все мы трое в дороге переболели корью, но даже это было уже не -так страшно. Мы обнаружили, что наша квартира не разграблена и в хорошем состоянии, стало быть, у нас была возможность подготовиться к отъезду в достаточно комфортных . Наш отъезд был, наверное, самым тщательно сберегаемым секретом в то революционное время! Родители спрятали наши настоящие документы в полые куски мыла и в деревянные ручки чемоданов, а мы долечивались от кори и выучивали наши новые финские имена.

В те дни Ленинград был печальным местом. Всё деревянное - строения, заборы и даже чудесная деревянная брусчатка с мостовых - разбиралось и уходило на растопку. В городе не осталось ни единого животного. Но музеи и художественные галереи были до сих пор открыты и хорошо посещались - русский дух всё еще был крепок.

В трепете садились в вечерний поезд на Финляндию. До границы было недалеко. Она была переполнена смущенными, нервничающими людьми Таможенники глядели угрюмо и недружелюбно. Правда, они были утомлены после долгого рабочего дня и спешили добраться до дому и выпить. Проверка документов, личностей и багажа была нервной, но быстрой. Удача сопутствовала нам - мы проследовали в Финляндию. Кажется, мы плакали от облегчения. После двухнедельного карантина, что было не так уж и плохо, мы отправились в Териоки. Папа без замедления отправил письмо главе Антре (которого он хорошо знал) с просьбой помочь разобраться с чиновниками. Затем, достав из тайников наши настоящие документы, мы пошли и откровенно рассказали властям о том, как мы проникли в страну. Конечно же, подделка паспортов - серьёзное преступление. Нас арестовали и начали расследование. Отца отправили в другую тюрьму. Нас с мамой поместили в двухэтажный лом под охрану. На втором этаже была комната с деревянным настилом и одним незанавешенным окном На настил были набросаны матрасы У двери стояло ведро. Комната эта уже была заселена несколькими молодыми

финками (возможно проститутками) Нам давали селёдки, немного картошки и чая дважды в день. Ночью нас поедали клопы.

Наш охранник был добрым человеком. Сжалившись над нами, он позволил перенести матрасы ближе к лестнице, где было больше свежего воздуха и поменьше клопов. Нам даже разрешали немного побегать по двору. Дни шли за днями. И вдруг нас внезапно освободили и отвезли в небольшой гостиничный номер, где нас уже ждал измученный и обеспокоенный отец. Мы бросились в его объятия. Прибыла петиция из Антре, подписанная многими жителями деревни с просьбой о нашем освобождении, так как они нуждались в услугах их любимого доктора. Счастливые и с величайшим облегчением вернулись мы помой, в наше «имение», к бабушке и дяде, которые ждали нас с нетерпением

Мама открыла хирургическую практику, папа занялся фермерством, а мы взяли на себя заботы о молодой корове и нескольких цыплятах Ирина и я обеспечивали также папу водой, таская её по два ведра с Вуоксы Мы стали очень сильными!

Я смутно помню деревенскую школу, в которой нас учили вязать противные чёрные носки, которые шли бы больше нашей корове, чем нам Кроме того, мы ещё немного изучали финский язык.

Зима была самым тяжёлым временем из-за недостатка продовольствия. За осень мы набрали грибов, а папа собрал с нашего поля несколько мешков пшеницы и картофеля. В общем, мы выжили.

Нашим любимым средством передвижения и забавой были финские «челки» - деревянные сани с высокой спинкой и двумя длинными металлическими полозьями Стоя на полозе одной ногой и отталкиваясь другой, можно было развить довольно большую скорость на укатанных дорогах. И всё же нельзя было оставаться в Антре навсегда!

Папе удалось установить контакт со своим бывшим учеником и приятелем который работал в то время в США на «Дженерал Электрик» Вскоре пришло чудесное сообщение: «Учи английский Приезжай есть работа» Наша радость была помрачена смертью бабушки Похоронная церемония с её свечами, ладаном и обрядами произвела на меня, бабушкину любимицу глубокое впечатление Я более-чем когда-либо была готова к переселению в новый мир. к новой жизни и к новым впечатлениям.

Поостые люди в то время путешествовали поездом и на корабле. **Папе потребовалось несколько недель для того, чтобы добраться до Шенектеди {Schenectady, New York} начать работать на новом месте, снять дом и вызвать нас к себе.** Думаю что весь Антре принимал участие в наших лихорадочных сборах Подруги помогали маме шить детскую одежду (мы как раз подросли) На одном большом аукционе было продано всё наше «имение» - дом, земля и даже корова Когда корову уводили, мы плакали, а сестра сказала, что корова тоже проронила несколько слезинок. Но мы были, конечно, скорее взволнованы и счастливы нежели опечалены, когда настал день отправления.

Мы сели на небольшой корабль в Бремерхафене, на котором нам предстояло пересечь океан. Стоял ноябрь, в море было холодно и штормило. Мы добрались до Нью-Йорка за две недели. Бедная мама сильно страдала от морской болезни в то время как трое её детей ликуя бегали по палубе и заигрывали с матросами. Они-то и научили нас первым английским словам: «поцелуй меня скорей!», что значило: «Хорошая погодка сегодня!»

АМЕРИКА.

Мы прибыли в Нью-Йорк на День благодарения, в 1922 году. Первое, что мы увидели, была статуя Свободы - величественный символ красоты и надежды. Это зрелище заставило нас затаить дыхание. Даже суровый и неприветливый остров Эллис не мог нарушить чарующей красоты нового мира. Шенектеди был ничем не примечательный городок, чистый и опрятный. Но нам он представлялся сущим раем, воплощением безопасности и благополучия. Мы сразу же пошли в школу с карманными англо-русскими

словарями. Учителя были добры и ободряли нас. Вскоре мы, перескочив класс, поступили в старшие классы. У меня сохранились смутные воспоминания о том времени - одна учёба, учёба и ещё паз учёба...

Но какими прекрасными были летние каникулы! Нашим любимым местом отдыха было похожее на огромную зелёную жемчужину озеро Джордж в Адирондаке. На нём находилось множество островков со специально подготовленными участками для палаточных лагерей У меня и Ирины была в лагере работа: мы стирали в ручной стиральной машине, подавали за столом и мыли посуду. И всё же у нас было достаточно времени для занятий всевозможными видами спорта. С силой и выносливостью, приобретёнными за время нашего «трудного детства», мы стали любимчиками преподавателя - ловкими и полными энтузиазма. Нас учили плавать, нырять, играть в теннис; мы карабкались по горам как горные козы, составляли сильную команду в гребле на каноэ даже при сильном ветре, - в общем, чудесно проводили время.

А когда наш Форд-Т нагружался доверху, и вся семья отправлялась в отпуск, мы поднатерели в смене покрышек и замене шин на нашем экипаже.

Вскоре после того, как мы поселились в Шенектеди, родители, зная о том что я живо интересуюсь музыкой, наняли для меня и Ирины учителя игры на фортепиано. К несчастью, они выбрали самого плохого Учителя- из возможных. Он погубил все мои шансы на поступление в институт Кёртиса (Curtis Institute) после школы Он был поляк. Может быть, мама с папой питали неосознанную надежду, что он имел какое-то отношение к Шопену?.. Он старался сделать из нас виртуозок Он учил нас не музыке, а технике, причем настолько виртуозной насколько это было возможно. О таких вещах, как фразировка, предмет музыки, чувство тональности, нюансировка и пр. и речи не было. В итоге пальцы стали беглыми но игра наша была полна грубых ошибок и вредных навыков Мы закончили среднюю школу за три года (вместо положенных четырех) и были награждены университетскими стипендиями Папу в то время как раз перевели в Филадельфийское отделение «Дженерал Электрик». Стало быть, для нас было естественно поступить в Университет Пенсильвании В последнее лето до нашего отъезда я и Ира устроились на работу в «Похонском поместье», шикарном отеле в горах Поконо Отдыхать здесь могли себе позволить только самые богатые. Мы обслуживали столики. В отеле работало ещё несколько студентов колледжа, которые зарабатывали себе на учебу Ребята из цветных, которые прислуживали на кухне, стали нашими друзьями, готовыми всегда помочь, в то время как наши белые хозяева и даже некоторые постояльцы относились к ним свысока.

В ночь перед отъездом мы с ними расплатились. Как только всё стихло, мы вылезли из окна на влажную траву площадки для гольфа и поменяли вокруг все фдажки с номерами около лунок

Ранним утром мы уехали на машине с несколькими парнями.

ФИЛАДЕЛЬФИЯ.

Папа купил просторный дом в пригороде под названием Идон (Yeadon) Немного вниз по нашей улице находится вход в огромный запущенный парк со старым кладбищем и дорожками для верховой езды на холмах. По вечерам весь парк освещался мерцанием от тысяч светлячков, похожих на маленькие волшебные фонарики. Ничего подобного раньше я не видела.

Трамвай отвозил нас в университет, который располагается в центре Филадельфии и состоит из скопления старых неприглядных домов, по соседству с больницей. Однако лекции были превосходны и вдохновенны.

Постепенно я и Ирина стали расходиться в своих интересах и предпочтениях. Ире нравились литература и танцы, а мне - высшая математика и музыка Но мы обе преуспевали в химии и получили степени бакалавров в этой области

На последнем курсе я вышла замуж за Вильяма Ван ден Бурга. Вилли в то время был солирующим виолончелистом знаменитого Филадельфийского оркестра. Наша мать, неукротимая и жизнелюбивая Катюша стала профессором стоматологического колледжа в Филадельфии. В выходные и праздничные дни она любила устраивать русские вечера в нашем просторном подвале. Эти вечера с большим количеством водки, русскими закусками и пирогами пользовались величайшим успехом. Наши русские друзья часто приводили с собой иностранцев - музыкантов или художников, - зная, что они будут желанными гостями. Вилли Ван ден Бург был одним из таких гостей. Он взял с собой виолончель - какой замечательный сюрприз! (Вилли был сыном знаменитого виолончелиста Пабло Казальса). Я даже смогла ему аккомпанировать некоторые из пьес - которые полегче. Он уверял меня, что я очень музыкальна, а я просто влюбилась в его игру на виолончели. Итак, произошло неизбежное: скоро мы поженились. Русские эмигранты - энтузиасты взяли на себя заботы по устройству этого романтического события. Мы повенчались в большом православном соборе в Нью-Йорке. Я бы предпочла более скромную церемонию, но это было отвергнуто большинством голосов.

Мы переселились в город, а я вернулась в университет, чтобы получить степень. Тем летом мы, взяв с собой нашу маленькую машину, поплыли на корабле в Голландию, чтобы представить меня семье Вилли, которая жила в Гааге. Все они были музыканты кроме матери, которая, ко всеобщему удовольствию, была отличным кулинаром. Гаага - замечательное место. Мне очень нравились тамошние открытые рынки. Прямо на рынке можно было съесть целую селедку держа её за хвост и обмакивая в мелко порубленный зелёный лук. Потрясающе! Шевенинген - это берёзовый лес прямо посреди города. Я там научилась кататься на велосипеде.

Один за другим вся семья перебралась в США, вслед за своим знаменитым сыном и братом. Поначалу они останавливались у нас. Вскоре я осознала, что я замужем не только за Вилли, но за целым кланом Ван ден Бургов! Возможно, для самоутверждения, я устроилась работать в большую больницу в Филадельфии и выполняла там всю работу, связанную со взятием и обработкой анализов крови. Это было лихорадочное время. Надо было сначала поработать на сложной и ответственной работе (тогда ведь не было автоматического оборудования и фармацевтов), потом бежать домой - готовить наскоро еду, затем переодеться к вечернему представлению оперы или концерта. Через несколько месяцев я бросила работу и начала заново учиться на фортепиано. Я брала уроки у Александра Кильберина (ещё одного беглеца из России). Он был для меня не только идеальным преподавателем, но и дорогим другом. Поощряя мои природные способности, он вместе с тем учил меня дисциплинированности, сдерживанию неуместного пыла «Потише,- говаривал он,- не грохочите!» Мы начали с двухчастных вариаций и простейших прелюдий Баха. Что за удивительные диалоги между двумя руками! Я всё ещё наслаждаюсь, играя их. Но самым его большим подарком мне был доминорный концерт Моцарта (все три части), которому он меня научил. Я спокойно могла прождать по пять или шесть часов в день, разучивая эту изумительную музыку. Я всюду носила с собой партитуру, не расставаясь с ней даже на ночь. На время это - средоточием всей моей жизни.

Вилли нашёл мне небольшой оркестр, состоявший по большей части из врачей, которые таким образом отдыхали от своей напряжённой работы. Помнится, на первой репетиции я забыла, как начать моё соло. Но поскольку оркестр был непрофессиональным, а дирижёр Уолтер Штейн - близким другом, я вскоре перестала нервничать. У нас было много репетиций, все мы очень любили эту музыку и исполнили её вдохновенно. Из-за того, что я была замужем за первым виолончелистом симфонического оркестра, на наш концерт пробрался незамеченным музыкальный критик. Так что обо мне появился благосклонный отзыв в воскресном выпуске газеты. Но самым приятным было видеть, как Вилли и Алек после концерта стояли за кулисами и плакали.

(может, от облегчения, что я сыграла без ошибок). Я, конечно, была глубоко тронута и очень счастлива! На следующее утро я опять стала всего лишь ученицей с репертуаром из нескольких небольших пьес Баха и концерта Моцарта. Тем не менее, я ещё более укрепила в убеждении, что изучение и исполнение музыки должно быть доступно для всех, кто хочет, а не только для профессионалов и музыкантов строящих карьеру. Ведь музыка - это средство общения там, где бессильны слова, - средство универсальное и одновременно очень личное. Музыка обогащает жизнь, успокаивает и возбуждает как человека, так и общего. После очередных шумных летних гастролей в Южную Европу Вилли решил поехать в Сан-Франциско вслед за новым дирижёром оркестра маэстро Пьером Монте. У него появился «дирижёрский пунктик» - Вилли захотел создать свой собственный оркестр.

САН - ФРАНЦИСКО.

Итак, мы переехали в Сан-Франциско! Этот чудесный город как птица распростёр свои крылья поверх крутых холмов и берегов Тихоокеанского побережья Синее море втекает через Золотые ворота, которые соединены изящным пролётом Красного моста с его двумя просвечивающими как солнце башнями. Море впадает в обширный Залив Сан-Франциско. Оклэнд Бридж с Островом сокровищ посередине, Алькатрас, военно-морская база Сосалито - целый лес огромных красных деревьев, - всё это способствует украшению этого удивительного места.

Первый год на западном побережье мы жили в Сан-Франциско, на Ливенворт Стрит. Город нас очаровал. Недалеко от Золотых Ворот находится Рыбачья бух-та. Поверх воды тянутся деревянные настилы для прогулок, на них - многочисленные ресторанчики со свежими морепродуктами, приготовляющимися прямо на улице в деревянных чанах. Там были и крабы, и омары, и раки, = словом, всё сочное изобилие морских деликатесов, великолепное на вкус и на запах. На другой стороне залива - живописный Форт. Помимо военной базы там ещё была эвкалиптовая роща, где часто проводились репетиции нашего будущего молодёжного оркестра.

К обычному городскому шуму прибавлялся весёлый звон небольшого трамвая, который вскарабкивался и спускался по невероятно крутым улицам города. У трамвая не было боковых стенок, так что пассажиры, сидя на длинных скамьях лицом к улице, могли в любой момент соскочить или забраться в пего. Забавно было на этих похожих на игрушечные трамвайчиках. Дальше вниз были рай-оны, где жили итальянцы, испанцы, французы, - вплоть до самого интересного и экзотического Китайского района (Chinatown).

Маэстро Игорь Стравинский приехал в Сан-Франциско на представление своей «Священной весны». Ему захотелось сходить в Китайскую оперу, и вот, я и Вилли пошли с ним в Чайнатаун. Здание Оперы было похоже больше на большой сарай. Ряды деревянных скамей почти доходили до потолка. Люди заходили с улицы, запасшись предварительно пакетами с едой. Они устраивались с детьми на скамьях, чтобы насладиться едой, не пропуская представления. Внизу, на ярко освещенной сцене происходило драматическое представление, причем постоянно - целый день и вечер. Оно сопровождалось музыкой, исполняемой на китайских инструментах, довольно резкой. Представление отличалось традиционностью и символичностью: было много масок и мебели, которую передвигали по сцене. Стравинскому опера очень понравилась. Потом мы его ещё пригласили на обед в китайском вкусе. От общения со Стравинским у меня осталось самое светлое воспоминание: это был очаровательный, безыскусственный человек, любивший со мной разговаривать по-русски, а с Вилли - на языке оперы.

ОРКЕСТР

Как только мы обосновались, Вилли с величайшей энергией и энтузиазмом начал работать над проектом своего молодёжного оркестра. Идея оказалась удачной, и скоро он нашел помощников и спонсоров. Но это была нелёгкая работа.

Вилли искал юные дарования по музыкальным школам, а потом прослушивал их, поначалу маленькими группами. Слухи о проекте распространялись, приходило всё больше новых музыкантов, и, в конце концов, оркестр был почти полностью сформирован.

Недоставало только ударных, и вот, на их место выбрана я! Боже, проблемой было просто таскать эти тяжеленные тарелки. А что будет, если невзначай ударишь в них не вовремя! Оказывается, чтобы этого избежать, надо знать партитуру назубок. Естественно, кроме тарелок я распорядилась большим барабаном, треугольником и ещё несколькими безделушками. Как занятно и весело, но какая ответственность!

Скоро нам стало известно, что одного оркестра Вилли недостаточно. Он также стал дирижёром Симфонического оркестра Сакраменто - более профессиональным коллективом, а ещё - руководителем любительского оркестра в Сан-Хосе (я в нём тоже играла на ударных инструментах). Каждый день мы куда-нибудь ездили в нашей перегруженной машине, полной юных музыкантов с инструментами и каждый день у нас были репетиции или концерты. Всё было замечательно, но только я стала чувствовать, что попала в водоворот нервной и слишком уж амбициозной жизни Вилли

Мне очень хотелось работать в спокойствии и тишине, сосредоточенно и серьёзно.

На второй год кашей жизни в Сан-Франциско мы приобрели в Сосалито очаровательный маленький домик на самой вершине зелёного холма, с которого открывался вид на залив с его яхтами и пристанями. В гостиной, находившейся наверху, был камин и огромное окно в виде фонаря. В спальне внизу тоже был камин и окно, выходящее прямо в сад. Там ещё стоял большой рояль. К сожалению, мы недолго наслаждались жизнью в этом прекрасном доме.

Вот уже несколько месяцев мы по радио страшные известия о разрушительной войне в Европе. Гигантская машина нацизма продвигалась своими танками и войсками по незащищённым странам, сея за собой смерть и разрушение. С ужасом слышали мы по радио в кашей машине весть об уничтожении Роттердама. Это заставляло переживать, но всё же было где-то далеко, не совсем реально. А потом, седьмого декабря 1941 года, всё это стало и реальным и близким. Перл Харбор.

Повседневная жизнь Сан- Франциско коренным образом поменялась за какую-то ночь. Город был полностью затемнён. Плотные черные покрывала закрывали все окна. Запрещалось зажигать даже самый маленький свет. Автомобилем можно было пользоваться только в случае крайней необходимости, с затемнёнными габаритными огнями. Симфонический и оперный оркестры были распущены. Большинство мужчин были незамедлительно призваны на военную службу или пошли добровольцами в ВМФ, которым предстояло самое трудное - вытеснить японцев с тихоокеанских островов

Вилли со своим Молодёжным оркестром давал концерты во всех военных лагерях, до которых можно было добраться. Это были жизнерадостные и любимые всеми концерты. Мальчикам особенно нравился "The Gal with the Cymbals". Вскоре эти мероприятия пришлось прекратить большая часть наших мальчиков стали солдатами. Я вступила в моторизованные части Красного Креста. Мы прошли интенсивные курсы по оказанию первой помощи, ориентированию (нужно было водить машину в темноте), тщательно изучили устройство автомобиля и как его ремонтировать.

Но эти знания так и не пригодились Однако женская помощь понадобилась в уборке урожая - пришло время. На призыв откликнулась масса школьников и женщин постарше. Меня вместе с другими отправили на фермы к югу от Сан-Франциско (кажется, в Санта Круз). На большом грузовике нас привезли на ферму с большим садом. Бараки стояли между деревьев, а спали мы прямо под открытым небом.

Подъём был в пять утра, и после непродолжительного завтрака мы шли на огромное бобовое поле. Бобы высотой в человеческий рост стояли рядами. Роскошные бобы гроздьями висели над ветками. Мы работали по одному человеку на ряд, чтобы не болтать друг с другом, и наполняли одну корзину за другой. Нами руководил мексиканец - приятный и знающий толк в своём деле. Он вёл счёт собранным корзинам. Работа продолжалась до 5 часов (с двумя короткими перерывами на лёгкую закуску), после чего грузовик отвозил нас обратно на ферму - к нормальной пище и к месту ночлега под звёздами. Кажется, мы справились с целым полем за неделю. Следующим для нас был сад с черносливом - более тяжёлая работа. Приходилось ползая на коленках собирать ягоды - часто подпорченные, но пригодные для консервирования и приготовления джемов. К концу дня мы выбились из сил, но работу выполнили. Я вернулась домой, Вилли очень хотелось уехать в Голливуд, так как работы в Сан-Франциско не было, а он слышал, что киностудии нуждались в хороших музыкантах. Итак, новая пора нашей жизни началась в Голливуде.

ГОЛЛИВУД.

В те годы Голливуд был очаровательным местом. Мы нашли небольшой приличный домик на холме и скоро завели знакомства с некоторыми «звёздами». Эдвард Д. Робинсон (киношный злодей) стал нашим приятелем. Ему нравилось носить виолончель. Вилли, он часто приглашал нас к себе на обед, где мы видели многих голливудских звёзд.

На выходных нас также приглашали в гости Ехудий Менухин, всемирно известный молодой виолончелист - виртуоз со своей австралийской женой Нолой. У них только родился первенец по имени Кроув, так что они вместе составляли в то время очень счастливое семейство. Ехудий с Вилли часами играли струнные квартеты (ещё с двумя великолепными музыкантами). Быть с ними было счастьем.

Впрочем, мои собственные интересы лежали в несколько иной области. Я прошла двухнедельные курсы по изготовлению шаблонов для авиационного завода «Локхид», расположенного в Бёрбанксе. Здесь опять была необходима женская помощь. Нам давали светокопию чертежа какой-либо части самолёта, мы её совершенствовали с помощью тригонометрических вычислений, затем острыми иглами прокалывали изображение на тонком стальном листе, намечали отверстия для заклёпок и, наконец, изготавливали деталь в натуральную величину. Каждая стадия производства контролировалась инспекцией. Завод был полностью вакуумфлирован - на крыше даже паслась корова - и функционировал круглые сутки, в три смены.

Я поступила на вечернюю смену - с позднего вечера до ночи. Работа была утомительной, высокоточной и очень ответственной. Самое худшее - шум. Огромные стальные листы кроились большими и маленькими резаками, сверлились отверстия и всё это без конца шлифовалось. После первого дня работы я чуть с ума не сошла. Головы мы прикрывали, а уши защитить было нечем, но со временем мы привыкли. Работа отнимала много сил, но была интересна, а дух солидарности среди работавших очень ободрял.

Я проработала в «Локхиде» два года. Постепенно мои пути и Вилли расходились всё дальше и дальше. Я сознавала, что наше замужество подходит к концу. Я переехала в отдельную комнату в дом одной пожилой леди, у которой был большой рояль - она любила музыку. Но Вилли и там меня нашёл, т.к. не хотел, видимо, расставаться со своей «ассистенткой». Мы пребывали в дружеских отношениях до конца его жизни. И всё же мне лучше было тогда уехать из Калифорнии.

МАЙАМИ.

Мне удалось устроиться на похожую работу в авиационный завод «Дуглас» в Майами, штат Флорида. В вечер перед отъездом из «Локхида» мой начальник повёл меня

в сборочный цех - в награду за проделанную тяжёлую (меня дважды повышали по службе). Сборочный цех был не самым приятным вознаграждением. Он был чудовищных размеров и напоминал скорее сцену, нежели производственное помещение. Высокий и тёмный, он состоял из ярко освещенных островков. В середине каждого из них стоял насекомовидный самолет, похожий на игрушку. Фигурки людей танцевали вокруг него, что-то сверлили, прилаживали. Всё это напоминало какой-то балет. Никогда не забуду я это зрелище! Девочки из моего отдела сочинили для меня прощальное стихотворение и все под ним подписались. Я до сих пор храню этот бесценный документ.

На следующее утро я села в поезд на Майами. Поезд перевозил солдат - одних на другое место службы, других - на короткую побывку домой. Я была единственной женщиной в поезде и должна была большую часть пути сидеть у кого-нибудь на коленях.

В Майами я встретила своего брата. Он не мог служить в армии из-за тяжёлого кожного заболевания. Он был женат и имел прелестного сына, Серёжу. Я сняла квартиру невдалеке от авиазавода и купила небольшое фортепиано «Октавек». Итак, перелистнулась следующая страница моей жизни.

Майами - город яркого солнца и ураганных ветров. Место отдыха очень обеспеченных людей (впрочем, и для бедных тоже). В городе изобилие модных вульгарных ночных клубов и прекрасная консерватория (возможно, одна из самых лучших). В окрестностях много кокосовых деревьев, попадаются и скорпионы. Майами Бич представляет собой остров с великолепными пляжами, роскошными отелями (один из которых построил мой брат), заселённый в основном состоятельными евреями. Длинной дамбой он соединяется с материком. Часть города населена выходцами с Кубы - счастливцами, которым удалось сбежать от режима Фиделя Кастро, но большую территорию занимают обыкновенные люди. Они живут в плоских деревянных домах, крыши которых отделяются от стен с «ураганной стороны», так что ветер свободно проходит сквозь строение, не повреждая его.

За шесть лет в Майами я пережила пять ураганов. Обычно ураган начинается с дождей где-нибудь в Карибском море, довольно медленно продвигается вдоль атлантического побережья. О них объявляют заблаговременно, потом постоянно сообщают о всех передвижениях шторма. У нас было достаточно времени заколотить окна, наполнить ванну водой, запастись продуктами и убрать из сада все оставленные вещи. Как правило, ураган разражался вечером и бушевал всю ночь. Сквозь щёлки в ставнях мы могли наблюдать, как целые деревья летали, вырываемые ветром, как искрились сорванные провода и слышали водяные всплески под полом, так как дождь сливался внутрь. Утром же было обычно светло, солнечно и невероятно грязно!

По работе меня определили в утреннюю смену. Когда я вошла на завод, меня встретил охранник. Его звали Джозеф Кеннеди. Высокий, явный ирландец, он был необыкновенно красив в опрятной форме. «Невероятно!» подумала я, «Как бы мне хотелось иметь ребенка от этого парня!». Он взглянул на меня сверху вниз и улыбнулся..., - возникла новая любовь...!

Скоро уже весь завод узнал об этом. Им хотелось устроить «Королевскую свадьбу» для нас прямо там. Но я была слишком стеснительна. Кроме того, мой развод с Вили еще не был окончательно оформлен (ведь именно я оплачивала его).

В конечном итоге нас соединили простым гражданским браком, и я переехала в дом Джо, построенное без плана белое сооружение, нуждавшееся в изменениях и ремонте. Мы оба позаботились об этом.

Однажды, когда мы выезжали с места парковки нашего автомобиля, мы нашли целое гнездо крошечных скорпиончиков, сотни их, только что вылупившихся из своих прозрачных скорлупок. Мы давили их всем, чем могли, Джо полил бензином поверх этого места и поджег спичкой, но они разбежались так быстро, что многие из них улизнули. Тем не менее, нас никогда не жалили.

Я к тому же находила время работать сестрой-сиделкой в Майями Госпиталь. Им не хватало помощи по уходу, а достаточно большое количество раненых буквально плыло прямо к нам. Пока я работала в Детском отделении, мне пришлось ухаживать за маленькой девочкой по имени Сандра. И я решила, что если у меня когда-нибудь будет дочь, я назову ее Сандрой.

А потом, вдруг, почти как потрясение, Вторая Мировая война закончилась. Весь этот ужас убийства, превращения людей в калек и разрушения прекратился. Мир вздохнул с облегчением и начал зализывать свои ужасные раны. Наша работа закончилась.

Джо пришлось искать новую работу, я же поехала в Музыкальную Консерваторию, надеясь начать обучение композиции. Вместо этого они мне показали и объяснили их новый современный метод обучения начинающих учеников игре на фортепиано. Это было открытием! Этот метод напомнил мне кое-что из того, что Пабло Казальс и его помощник Александрия сделали для виолончели. Они освободили зажатую ранее предписанную позицию левой руки (на струнах) и, таким образом, позволили пальцам освобожденную, легко вытекающую технику. Этот, так называемый, «метод малиновки» делал то же самое для обеих рук на фортепиано!

Со старомодной системой пять пальцев на пяти клавишах было покончено. Вместо удара (или давления) на клавишу пальцем, тон извлекался весом руки. И *какой тон* - чистый и обогащенный, как звон колокола! Каждый палец, по очереди, становился окончанием всей руки. Мой боевой клич был «Держи руку при себе!» Соединение плеча и кончика пальцев было установлено. Рука при этом оставалась округлой и мягкой. Повседневная работа падения на кончик каждого пальчика скоро дала ученику усиление пальцевых суставов, облегчение техники и иной способ начинать новую музыкальную фразу.

Этот метод казался таким логичным, простым и превосходным, что я немедленно приняла и включила его, с огромным воодушевлением. Меня добавили к штату факультета и дали 40 начинающих учеников. Для меня это было чудесным временем. У меня была небольшая школа в пригороде, вся в моем владении, со сценой и роялем. Мы давали небольшие концерты для знакомых каждые 3 месяца. Успехи учеников были совершенно потрясающими.

Это продолжалось около года, когда **27 августа 1946 года родилась Сандра** (слегка преждевременно и мне пришлось срочно мчаться из школы в больницу!). Рождение моего младенца было определено самым глубоким и существенным опытом моей жизни. Сандра была восхитительной и решительной. Не могло быть и речи о моем возвращении к 40 ученикам. Как только я достаточно окрепла, мне пришлось найти какую-нибудь другую работу, которую я могла бы исполнять дома, и одновременно заботиться о моей чудесной крошке.

Хорошо, а почему бы не керамика? Майями было подходящим местом для таких разноцветных безделушек, а я имела достаточно художественного воображения, поэтому я раздобыла большую гладкую доску, горшок керамической глины для лепки, вращающееся колесо, большой набор лучших глазурей и книгу – руководство.

С Сандрой в качестве моего энергичного «помощника» я приступила к работе. Сформировала много разнообразной посуды: подсвечники, подставки для визитных карточек, блюда для печенья, чипсов и так далее. При этом использовала природные рисунки листьев и цветов, или же собственные фантастические абстракции. Когда две дюжины, или около того, заготовок были закончены, я их высушила и отнесла в ближайшую печь для обжига. После того нанесла глазурь, пользуясь инструкциями и собственным художественным вкусом. Вообразите мое восхищенное изумление, когда они все превратились в прекрасные сияющие драгоценности. Это был настоящий успех.

Я отнесла свои поделки в один из эксклюзивных магазинов декоративных изделий, расположенный рядом с Майями Бич. Они взяли многое и за хорошую цену и попросили еще – это уже было так, как будто я была «в бизнесе».

Скоро появился желанный партнер. Он был, так же как я, одержим художественными амбициями. У Сержа (он тоже был русским) был новый стеклянный дом, фронтальная часть которого могла быть легко преобразована в выставочную витрину под наш многоцветный товар. Он купил небольшую печь для обжига керамики, и все было готово к торжественному открытию нового магазина керамики. Это казалось отличной идеей, поэтому мы оба усердно работали, создавая интересные и красивые вещицы. Я ничего не пыталась продать, пока мы не были полностью готовы.

Итак, наши выставочные полки были заполнены, когда особенно ожесточенный ураган нанес удар по побережью Майями. Серж уверял меня прежде, что его дом был абсолютно устойчив против ураганов. Но он ошибался...

После того, как ужасная буря окончательно утихла, и мы с Джо смогли, наконец, уснуть, бешеный стук в дверь пробудил нас. Серж был на пороге, мокрый, грязный, отчаявшийся, говоривший сквозь слезы: «Все кончено! Ничего нет, только грязь и стекло!». Он избежал ранения, закрывшись в туалете. Ни единого изделия не удалось спасти...! Моя «керамическая мечта» закончилась.

У меня больше не было желания вновь начать работу с керамикой – это казалось теперь таким неважным и банальным делом. Однако мне пришлось заработать немного денег, чтобы прокормить нас. Теперь уже было ясно, что Джо не обладал ни инициативой, ни силой воли, чтобы содержать свою семью. В своем безнадежном крушении планов он выбрал пьянство.

Временно мне удалось поработать с керамической фабрикой. Серж сумел спасти шесть отливных образцов-форм для наших пивных кружек, на которых я слепила шесть забавных пьяных физиономий. И я смогла их использовать. Эта продукция стала достаточно популярной. Джо же сидел с детьми.

Но во время следующего Рождества все совсем расстроилось. Джо отказался от приглашения на Рождественский вечер, полученного от нашего лучшего друга, поэтому я

приготовила скромный праздник дома. Но Джо исчез! После того, как я окончательно уложила Сандру спать, пришлось совершить обход всех возможных баров, и Джо был обнаружен в одном из них. Он едва мог стоять на ногах, но я все-таки доволокла его домой. Он проспал весь следующий день (Счастливого Рождества!). Но это было еще не самое худшее.

В задней части сада у нас была изгибающаяся линия красивых и высоких эвкалиптов. Их я любила самозабвенно! Они напоминали мне г. Сан-Франциско и давали тень, когда я стирала в нашей ручной управления стиральной машине (тогда еще не существовало готовых подгузников для малышей). Однажды, когда я была на работе, Джо привел 2-х мужчин с огромной пилой и грузовиком. Все деревья спилили и увезли. Я пришла домой... и увидела пни. Потрясение было больше, чем потеря всей моей керамики.

Это послужило последней каплей в принятии решения.

Мы были в тесной переписке с моей сестрой близнецом Ириной. У нее был прекрасный большой дом в пригороде Филадельфии и, так как ее старшая дочь Айрис (моя «золотая девочка») находилась в Швейцарии, то ее комната была свободна. «Приезжай» - настаивала она, - «тебе нужен отдых и перемена обстановки». Кроме того, у меня был собственный дом в Йедоне. Отец наш умер годом раньше и завещал этот дом мне. Итак, одевшись в летнее платье и в косынках поверх волос, Сандра и ее мама отправились в холодную Филадельфию, к очень теплому и любвеобильному приему. Было великолепно расслабиться и отдохнуть в этой ободряющей, счастливой атмосфере. Джон, муж Ирины, наслаждался смущением своих друзей, приводя меня (вместо Ирины) на их очаровательные вечера. Наш внешний вид и голоса были почти идентичны – поэтому многие люди обманывались.

У Ирины же были совсем другие интересы, весьма отличные от вечерних приемов. Пока я была занята помощью в постройке их авиационных истребителей, она была загружена восстановлением ужасно поврежденных лиц тех мужчин, которые их водили. Летчики, которым удалось выбраться из горящих самолетов, были полностью слепы. В Филадельфии была организована особая больница хирургической пластики специально для этих изувеченных юношей, некоторых почти оставшихся без лица. Восстановление лица было длительной, болезненной процедурой, но творившей настоящие чудеса. Храбрость и сильный дух этих парней были сверх любого описания.

Ирина стала их «феей крестной». Она всех их знала по имени, приносила им вино, туалетные принадлежности, небольшие подарки. Она читала им их семейные письма и писала ответы. Они ее обожали. За свою работу с этими парнями она была выбрана «Женщиной года», и она была достойна этой чести.

Однажды, когда я была у нее, она взяла меня с собой в больницу. Рассказала мне имена и семейные истории некоторых из больных, и я должна была занять ее место (для начала). И это сработало! Я дотрагивалась и поглаживала их головы, разговаривала с ними, и дарила им подарки и свою любовь. Я была своим близнецом – на время. Затем Ирина появилась с другой стороны. Представьте себе их ощущение и радость. Мы завершили это прогулкой (с одним юношей с каждой стороны), уверенной и оживленной по всему саду, их владению. Я никогда не забуду этого дня!

В конце концов, мне нужно было искать работу. Преподавать игру на фортепиано или изготавливать керамику было не подходящим делом. Я нуждалась в постоянной работе, чтобы обеспечивать себя и Сандру. Поэтому я решила снова испытать себя в химии. У моей двойняшки все еще хранились на полках учебники по химии. Я начала просматривать давно забытые лабораторные технологии и основные реакции. Отлично, ничего нет лучше попытки!

Приобрела себе новый костюм для выхода и отправилась в Научное Отделение Университета, чтобы узнать, не нужен ли кому-нибудь ассистент. Верите или нет, но вскоре я нашла того, кому требовался (немного позже я поняла почему!).

Его звали Джек Бучанан, молодой профессор по биохимии, который писал серию статей о метаболизме чистоты использования изотопов углерода (в те дни важность и известность химика измерялись числом опубликованных им статей). Джек страстно желал добиться успеха в этих экспериментах. Моей первой работой было приготовить стандарт 12-углеродного изотопа. Передо мной поставили очень маленькую колбочку, защищенную свинцовым цилиндром. Пользуясь микропипеткой, я должна была всосать (своим ртом!) небольшое количество этой высоко концентрированной радиоактивной субстанции (бывшей кислоты) и переместить ее количественно в однолитровую колбу, разбавляя ее до 1000 куб.см. Это и был наш Стандарт.

Следующий шаг был еще ужаснее! На чердаке была огромная клетка с 2-мя или 3-мя дюжинами красивых голубей. Я принесла с собой 3 маленьких мензурки. Затем мне пришлось войти в клетку, поймать одного голубя, вытащить его наружу, задушить, сжимая его горлышко, разрезать мягкое брюшко, чтобы открыть его и вытащить все еще пульсирующую печень, которую я поместила в одну из мензурок. Мне пришлось повторить исполнение всех этих действий с еще двумя голубями. Я вернулась в лабораторию, добавила нужное количество изотопа и других реагентов в мензурки, гомогенизировала и инкубировала эту смесь. После доведения до конца остальных предписанных лабораторных процедур я отнесла срезы с конечной продукции в лабораторию с счетчиком Гейгера, где смогла измерить количество изотопов, впитанных печенями.

Убийство голубей было мучением. По крайней мере, наш вахтер рассказал мне позже, что отнес мертвых птиц домой, и его жена спекла чудесные пирожки с голубятиной.

Конечно, я совершила кое-какие ошибки в начале, но дружелюбный химик из соседней лаборатории доброжелательно объяснил мне эти процедуры (и предупредил об изотопной опасности), поэтому я управлялась довольно хорошо. Джек попросил меня помогать с записями в документах по эксперименту, и с тех пор я выполняла всю эту работу и хранила все записи, что было для меня простым делом. Он также повысил мой оклад.

Я обнаружила, что я была вовсе не единственным сотрудником в лаборатории. В первое же утро на службе я открыла ящик и, к своему удивлению, увидела целую цепочку длинных белых усов, движущихся вправо и влево. Тараканы явно полюбили нашу микстуру из печени голубей, сдобренную изотопами.

К этому времени мы с Сандрой переехали в мой дом в Йендоне, и я нашла превосходную и подходящую подготовительную школу для нее поблизости. Я приобрела поддержанную небольшую машину и смогла отвозить ее в школу утром и забирать после работы. По выходным она наслаждалась огромным старым парком Йедона. Она даже занималась там верховой ездой и любила волшебное мерцание светлячков по вечерам.

И, все-таки, было немного одиноко. Чтобы ободриться я решила устроить прием всех своих сотрудников в отделе лаборатории. **Мама недавно перебралась из нашего дома в Принстон (Нью-Джерси), где она вскоре вышла замуж за своего второго мужа, и оставила мне свою домработницу и помощницу по имени Глафира, чьей одной из подкупающих черт была возможность выпекать «русские пирожки» - маленькие пирожки с мясом, которые таяли во рту. Я попросила Глафиру сделать их более сотни, гости принесли спиртное, а я приготовила две больших миски салата. Вечер имел невероятный успех!**

На этот замечательный вечер Джек привел своего друга, с которым он два года работал в Стокгольмском Нобелевском институте. Его звали **Андреас Майеми**.

С того дня Андреас стал постоянным гостем. Он и Сандра славно поладили. В возрасте пяти лет Сандра была очаровательна, полна грации, веселья и воображения. Это подходило натуре Андреаса. Они вдвоем начали серию историй и приключений, которые продолжались и развивались с каждой встречей. Это была королева царства Мер, которая проживала во дворце на дне моря, окруженная прекрасными русалками, чьей работой было спасение матросов с тонущих кораблей. Там был огромный сарай с подземельем, где целая толпа маленьких разъяренных людей вела ужасные сражения против волков и ведьм и т.д. и т.п. Андреасу также нравилось, как я играла на пианино.

22 марта 1952 года мы с Андреасом поженились в небольшой пресвитерианской церкви. **Отпраздновали мы это событие в чудесном современном доме моего отчима Владимира Зворыкина. Этот дом, на берегу озера Тонтон в Нью Джерси, был сконструирован моим братом. Кстати, Володя Зворыкин был волшебником в электронике. Его иногда называли «отцом телевидения» (которое он ненавидел), и был основателем Медицинской электроники.**

Свой медовый месяц мы провели, ремонтируя комнату Сандры. Купили новую кровать, мягкие коврики и уютные лампы. На стены приклеили прекрасные изображения диких оленей. Мы покрасили деревянные рамы, двери и мебель. Она и в самом деле стала самой красивой комнатой во всем доме. Следующим летом мы поехали в Швейцарию, чтобы встретиться с «Андрюшиной» семьей. Мы взяли с собой нашу маленькую машину, и поездка через прелестную сельскую местность Франции была явным наслаждением. Но, конечно, я дрожала от страха и тревоги, когда мы, наконец, вошли в красивый дом Маелисов, сконструированный Фатерхеном – отцом Андреаса, архитектором и художником высокой квалификации. Кроме того, они были настроены абсолютно против этого невозможного брака их **принца** с женщиной старше, дважды разведенной и с пятилетним ребенком.

Мне не нужно было тревожиться! Мутти (мать Андреаса – высокая женщина, выглядевшая довольно сурово) направила свои глаза на Сандру и просто задохнулась от восхищения и любви. Она открыто посмотрела на меня – Сандра стала главной радостью ее жизни. Позже, когда мы все были удобно устроены, я приблизилась к чудесному белому роялю и сыграла 2 моих любимых произведения Баха. Я услышала смех с кушетки, где сидели и слушали Мутти и Буш (младший брат Андреаса). «Что? Смеяться над Бахом!» Но затем я осознала – это было особое одобрение тому, кто сумел хорошо сыграть прекрасную музыку! Итак, нас приняли! Это был прелестный отпуск.

Базель красивый, оригинальный город, расположенный на обоих берегах изгибистого Рейна, полного барж и других интересных судов. Он гнездится среди гор Джура, которые мы исследовали под руководством Фатерхена. Дома у Сандры был новый товарищ по играм. Мутти, полу инвалид, стала молодым пиратом и искателем приключений, используя большую металлическую ванну в качестве корабля. Фатерхен же был не только превосходным художником, но и большим ребенком, полным жизни, веселья и музыки. У него всегда была большая собака (обычно сеттер), абсолютно не дрессированная, любимая и испорченная. Анафема соседских котов, он часто был в какой-нибудь беде. Фатерхен кормил его отборными кусочками со стола и однажды дал ему приличного размера телячью ножку с мясом. Она застряла в горле собаки, и бедное создание уже было близко

к смерти. Тогда Сандра взялась за дело! «Держи его за хвост!» - приказала она Фатерхену, затем засунула всю свою ручку в собачью пасть и горло и вытащила преступную кость. Этим она завоевала пожизненную преданность Фатерхена.

Это было типичным поступком Сандры. Она всегда естественна со всеми животными и птицами. Дикая птичка часто сидит на ее голове или колене. Возможно, ей следовало стать биологом или ветеринаром. Но она слишком любила своих подопечных, чтобы быть «объективной». Поэтому она стала многим другом вместо этого.

Андрюша закончил свою исследовательскую программу о «----- турнепса» (с доктором Чанс), и его пригласил профессор Хьюго Теорелл вернуться в Нобелевский институт в Стокгольме и продолжить работу с энзимами.

Итак, мы втроем должны были переехать в Швецию на неопределенный период. Это было так волнующе!

Но прежде, чем покинуть Америку, мы, определенно, должны были совершить путешествие по этой огромной и прекрасной стране, чтобы увидеть все ее чудеса. Мне приходилось проезжать по США много раз, но Андрюше и Сандре довелось увидеть лишь малый образец. Поэтому мы уселись в одно прекрасное утро в нашу ярко красную машину, полные радостных предчувствий.

После прелестных холмов Пенсильвании мы въехали в обширный, плоский, плодородный район, сияющий всеми возможными оттенками зелени и желтизны. Ранняя осень уже начала окрашивать деревья в чудесные осенние цвета. Наше путешествие было приятным и легким. Но только когда мы добрались до Колорадо, начались великие чудеса.

У подножия Скалистых Гор мой брат построил комплекс для проведения летних отпусков, с большим количеством деревянных домиков и большим вигвамом, вокруг быстро текущего кристально чистого потока, полного форели, и окруженного деревьями, населенными совами. Место было чудесное и компания очаровательная. Его сын Сергей, теперь уже высокий подросток, тоже был там.

После радостного недельного визита, мы продолжили путь через могучие Скалистые Горы на другую сторону Великого Раздела – место потрясающе огромных парков. Один только Гранд Каньон стоит того, чтобы посетить Штаты. Его невероятные по архитектуре обрывы в глубину по обеим сторонам, стремящиеся к встрече на дне с узкой серебряной лентой реки Колорадо, которая и создала это совершенное чудо. Едва заметная тропинка позволяет крепконогим мулам отвозить желающих туристов по всему пути вниз и обратно. (В дальнейшей своей жизни Сандра совершила такое путешествие, но я не отважилась.)

Итак, мы продолжили движение к многоцветному Брайс Каньону, невероятным абстрактным скульптурным сооружениям Юты и Аризоны, национальному парку Йосемит, пустыне, где Сандра попыталась откопать кости динозавра, и ярким лесам Редвуд в Калифорнийских Горах. Мы могли бродить самостоятельно целый день среди этих исполинов из всевозможных деревьев, сопровождаемые дикими оленями. Ближе к вечеру мы нашли свою дорогу к вигваму, с маленькими, но уютными хижинами, где смогли провести эту ночь.

Мы навестили Голливуд и выбрали красивый маршрут у Сан-Франциско. Имея друзей во многих местах, мы чудесно провели время.

Обратный путь домой был легким и показался намного короче.

Наконец, мы начали упаковываться к отъезду в Швецию. Андрюша уже говорил по-шведски, но мне и Сандре пришлось изучать его с самого начала. Снова мы бродили повсюду с маленьким словариком в руках.

Путешествие в Стокгольм было полно событий. Корабль, следовавший как раз перед нами, «Андреа Дория», столкнулся с другим кораблем, и его пассажиров эвакуировали на другие, проходившие мимо, судна. Наше оказалось одним из них. Новые пассажиры были частично впихнуты в кубрики команды, а остальные подселены в большие каюты. (Нас не побеспокоили, и никто не пострадал).

Стокгольм крепко держится за непостоянное, скалистое побережье Балтики, где сильные потоки из огромного озера Меларен встречаются с солеными и часто бурными водами моря. Это сенсационное месторасположение и очень оригинальный и красивый город. Доминантой его берегового очертания является простая и замечательно пропорциональная башня Таун Холла, одного из красивейших произведений архитектуры. Она уходит вниз в колонный вестибюль с двором и входом в чудесные внутренние помещения, где проводятся Нобелевские торжества.

Этот город, окруженный водой, как с озера, так и с моря, уникален и интересен. Здесь не увидишь ни величественных бульваров, ни открытых веранд. Волнующийся бассейн, в котором воды озера и моря встречаются в бурном объятии, и ряд шлюзов, где небольшие корабли могут проходить из одного уровня в другой. Королевский дворец стоит на самом высоком месте. Красочная «Смена караула» проводится перед ним каждое утро. Шведская королевская власть очень демократична. Юный принц ходил в ту же школу, что и Сандра (хотя и в другой класс), когда им обоим было по 7 лет.

Стокгольм восхитителен и прекрасен! Хотя там была и другая сторона медали. Прежде всего, нам было почти невозможно найти жилье. Сначала мы остановились в гостевом номере Нобелевского института. Потом переехали в квартиру коллеги, но смогли остаться там только пока ее красили. С тех пор нам приходилось переезжать с одной квартиры на другую (обычно в различных районах города), иногда поднимаясь пешком три лестничных пролета без лифта. Это постоянное перемещение было особенно трудным для Сандры: ей приходилось менять школу снова и снова. Другой трудностью для нас оказалась пища. Шведы в то время практически не имели свежих овощей зимой, только старую морковь и капусту.

Вообще, в течение раннего периода нашего проживания в их стране, шведы казались очень натянутыми, формальными и негостеприимными. Была только одна семья (сдобренная отдаленным родством с Маелисами), которая приглашала нас на чудесные семейные обеды, и в их летнюю школу плавания и загородный дом. На их дружелюбных семейных вечерах количество Аквавит (что-то похожее на русскую водку) было расточительно, затем все брались за руки и со вкусом распевали шведские пьяньские песни.

Такие очаровательные посещения были большим исключением. Шведам еще только предстояло учиться искусству отдыха и умению испытывать радость от общения с друзьями. Перемены начались около 1955 г., когда в одной или нескольких компаниях воздушных перевозок возникла мысль об организации летних поездок в отпуска, которые включали не только воздушный транспорт для всей семьи, но также и проживание в отеле или маленьком домике, питание и летние курортные развлечения и общежития во многих странах. Эти «отпускные наборы услуг для отдыха» оказались настоящим вдохновением для шведов. Они бросились за ними в огромном возбуждении. Они быстро обучились радости быть неформальными, чудесно питаться интересной и деликатесной пищей, пить вино и быть счастливыми. Добавим к этому новый поток замороженных продуктов,

перевозимых по воздуху с полей и фруктовых садов южных стран. Вскоре вся страна преобразилась к лучшему! А мы постепенно стали все больше и больше наслаждаться этим городом. Мы замечали многие чудесные предметы, упущенные раньше. Скульптуры Карла Миллеса были среди лучших произведений изобразительного искусства. Его прекрасный вдохновенный «Орфей, играющий на арфе для душ юности» перед оперным театром, является подлинным шедевром. На острове Лидинге, на который можно попасть по мосту, есть целый сад, наполненный большой коллекцией невероятных произведений искусства Карла Миллеса. Кажется, что он открыл ловкий прием, игнорирующий притяжение. Его лошади и всадники летят в воздухе, едва лишь касаясь земли одной ногой (или только копытом), а его восхитительные морские фигуры и фонтаны – это видения мечты.

Лично для нас другое большое событие добавилось к нашему узнаванию из личного опыта этой прелестной страны. 10 декабря 1955 г. Проводилась ежегодная церемония вручения Нобелевской премии. По такому случаю, профессор Хьюго Теорелл должен был получить свою Нобелевскую премию за искусство выделения и очищения «желтого энзима». Тео, как его называли друзья, был руководителем Андреаса. Этот большой человек (в значении большем, чем физические размеры) стал жертвой полиомиелита еще в юношеском возрасте. Он более чем компенсировал свое бессилие моральным мужеством и силой и ловкостью своих рук. Тео мог подняться вверх и вниз по лестнице на руках!

Он был не только химиком высшего уровня, но также и прекрасным скрипачом. Когда, по крайней мере, в двух случаях, мой первый муж Вилли ван Бург приезжал навестить меня в Швецию, он и Тео (с двумя другими великолепными музыкантами) играли вместе бесчисленные квартеты. Жена Тео, Маргит, отличная пианистка, поэтому мы наслаждались любовью к музыке совместно. Во всяком случае, они очень доброжелательно пригласили нас быть гостями на предстоящем Нобелевском празднике и церемонии вручения премий. Мы достали няньку для Сандры, невероятно нарядились и с фотоаппаратом наготове отправились на самый волнительный и памятный вечер в нашей жизни.

Официальная часть церемонии проводилась в оперном театре. Цветы, музыка, интересные экспертные представления с рассказом о каждом чудесном достижении, и живое эмоциональное представление каждой премии молодым королем, одобрение, аплодисменты и счастье награждаемых ученых!

Само же празднование проводилось в городском Холле. Огромный Золотой Зал и примыкающий к нему Красный Зал были накрыты для потрясающего пира. Россыпи звуков оркестровой музыки, краткие речи, тосты и звон бокалов с вином – все это было восхитительно. Ближе к концу слышались прекрасные молодые голоса. Это прибыл хор студентов университета. Они вошли в Голубой Зал, расположенный ниже, и гости званого обеда столпились на широкой лестнице, чтобы смотреть и слушать в полном очаровании. Затем еще были танцы и всеобщее ликование. Когда мы, наконец, добрались домой, мы обнаружили, что фотоаппарат был совершенно пуст! Мы забыли вставить пленку!

Короткая печальная комедия случилась с нами несколько позже. У меня произошел выкидыш, и я провела две несчастных недели в больнице в отчаянной попытке спасти младенца. Сандру отправили в желанный визит к Мутти и Фатерхену в Базель. Андреас был в США, принимая участие в конгрессе, и я оказалась совсем одна. Маргит Теорелл пришла подбодрить меня, и я решила выздороветь как можно быстрее и начать искать дом для нас. Достаточно всех этих бессмысленных и трудных переездов по всему городу – как только буду в состоянии, я начну обследование пригородов в поиске дома для покупки.

Шведы, в своей оригинальной манере, развили очень обаятельный, практичный и разумный стиль постройки небольших домов: «цепь домов», обычно вьющихся вдоль сельской дороги, с красными домами по одной стороне и желтыми – по другой. Они были точно схожи, соединенные вместительным гаражом, который мог быть приспособлен под мастерскую. Второй этаж был большой, в стиле «студио» комнатой с небольшой ванной комнатой. При желании она могла быть разделена. С задней стороны было пространство для небольшого сада, и часто оно уходило в небольшой лесок или в зеленое поле.

Эти домики были очень привлекательны и становились популярны. Я нашла один (красный) в северном пригороде, называемом Теби. Это был последний еще не проданный дом, и для меня он был лучшим из всех. Его территория сзади заканчивалась чудесным рядом осин, которые были покрыты дрожащими мелкими золотыми листиками, сверкавшими подобно сокровищам на ветру. Там была небольшая терраса, окруженная огромными соснами, и тропинка, ведущая прямо в лес.

Очень своевременно пришло письмо от моего агента в Филадельфии – мой Йедонский дом продали, и я получила небольшую сумму денег для взноса за наш новый дом. Здесь я должна добавить, что «академики» оплачивались в Швеции очень скромно в те дни.

Итак, мы могли переехать прямо сейчас. Фатерхен прислал нам целый «вагон», полный мебели (по большей части его собственного проекта) и многое другое. Кстати, там был огромный сервиз прекрасной посуды «Этрусские вазы», все с пометкой внизу «1809». Мы все еще пользуемся им каждый день. Только одного не хватало. Когда мы посмотрели на все эти белые стены, Андреас сказал: «Нам придется купить несколько картин». После минутного соображения, я ответила: «По крайней мере, я попробую написать их сама!».

Таким образом, я поступила на вечерние живописные курсы, находившиеся на темной и грязной окраине Стокгольма. Приготовила свои собственные живописные поверхности из кусочков мазонита, используя наждачную бумагу и белую грунтовую краску (холст был слишком дорог, а мне хотелось что-нибудь большое, так чтобы мое «панно» сделалось превосходной заменой купленным картинам).

Мне пришлось волоочь мое тяжелое оборудование три этажа вверх по темной лестнице в длинную, яркую студию наверху. У нас был самый лучший из всех возможных руководитель. На небольшом помосте посередине одной стены он размещал красивую модель или интересный и красочный натюрморт. В студии было много мольбертов и места для нашего оборудования. Мы все стояли, когда работали – сосредоточенность и интенсивность были у всех. Наш учитель позволял нам использовать свой собственный стиль, и поправлял нас только, чтобы указать основные ошибки, или когда мы сами просили о помощи. Три часа, с кратким перерывом на чашку кофе, пролетали как 15 мин. Мы также учились друг у друга и стали отдавать себе отчет в важности «свежего взгляда», и не боязни «соскабливания», внесения решительных изменений и попыток абстракции. Измученные и веселые мы тащили наши стекающие каплями произведения и сумки к припаркованным машинам. Это было просто чудесно!

К моему восхищению Андрюша также проникся энтузиазмом по поводу «наших» картин. Он купил длинные полосы багета для рам и приспособление для изготовления углов в 45 град., и наш гараж вскоре стал фабрикой по производству рам.

Я также вступила в местную группу Теби художников – активных и прогрессивных. У нас был класс живой природы для набросков фигуры, начиная от пяти - десяти минутных «этюдов», за которыми следовали многочасовые рисунки, или живопись. В течение 2 недель мы рисовали только кисти рук и ступни ног.

Но самым лучшим было их приобретение Karbu Gard – старинного фермерского дома на Теби шоссе, в котором была одна большая комната с роялем и несколько комнат поменьше, все чудесные для проведения выставок! С тех пор я писала маслом дома каждый день (в своей большой новой студии) и была довольно плодовитой. Вскоре у меня оказалось много картин на этих выставках, и, к моему радостному удивлению они имели спрос и довольно многие из них были проданы. Вернисаж всегда сопровождался какой-нибудь хорошей музыкой, исполняемой профессиональными музыкантами (обычно кем-нибудь из моих друзей). Конечно, я продолжала преподавать фортепиано, и многие из мальчиков в нашей «деревне» стали моими учениками игры на пианино. Я, должно быть, обладала огромной энергией в те столь насыщенные дни. В любом случае, наши белые стены больше не были полностью белыми!

Андрюша тем временем перебрался в лабораторию токсикологии, на шаг ближе к судебной медицине, которая вскоре стала его главным профессиональным достижением. Для разнообразия, или, может быть, поскольку животные всегда были моими любимыми «людьми», мне бы хотелось рассказать немного о наших питомцах.

В Теби у нас была молодая собака породы Alsation по имени Бэмби. Она была красивой и очень живой по характеру. Я обучала ее в огромной дворе собачьей школы с 80-ю другими псами. Наш тренер обладал властным голосом. Он ходил посередине этого круга Столпотворения, кричал: «Тишина!», и весь шум прекращался, как отрезанный ножом. Бэмби была лучшей ученицей, но провалилась на заключительном экзамене. Она была последней, кто выступал перед судьейством. В течение более двух часов мы находились на улице, повторяя все служебные трюки, на ледяном ветру и под снегом. Обе были измучены – и она брела медленно вокруг забора, вместо того, чтобы прыгать через него, и отказалась выполнять те задания, которые так хорошо знала! Но мы все равно ее очень любили. У нее также была страсть к преследованию автомобилей и лыжников.

Однажды у нас были гости с младенцем, который еще не мог ходить. Зато он был чемпионом по ползанию, и его главным устремлением было забираться по довольно крутой и опасной для него лестнице наверх в мою студию. Но Бэмби одержала верх! Она нежно подталкивала его носом и оттягивала прочь от лестницы. Лучшей няньки мы и не смогли бы найти! И все-таки соседи не позволяли ей играть со своими детьми. Они утверждали, что она «опасна!!!». Из-за этого мы надевали на бедную Бэмби поводок (даже для прогулки в нашем собственном саду).

Однажды утром я отвела ее на поводке в лесочек неподалеку от дома. На вершине холма уже прояснилось, и там лежала, отдыхая, семья лосей. Мы подошли довольно близко к ним и остановились в изумлении. Бэмби сразу же села и смотрела, не издав ни звука. Папа лось, со своей огромной короной рогов, поднялся неспешно и невозмутимо, сопровождаемый несколько меньшего размера самкой и теленком. Величественно и в молчании они проследовали по тропинке в нашу сторону, и вышли из лесу, остановившись на дороге с другой стороны. Папа лось стоял через дорогу, полностью заполнив ее своей огромной массой. Мы были как раз перед ним. И так мы стояли какое-то время, уставившись друг на друга, затем он повернулся и пошел за своей семьей (возможно в какой-нибудь сад сдирать кору с молодых яблонек).

Как-то раз во время прогулки с Бэмби по обледеневшей, скользкой дороге зимой плотно обмотала поводок вокруг большого пальца левой руки и попыталась удержать ее от попытки бежать за машиной. Она рванулась прочь, а я получила разрыв сухожилия левой кисти.

Врач сделал мне местную анестезию, и я смогла наблюдать, зачарованная, как одним легким разрезом своего скальпеля он вскрыл мякоть вокруг моего большого пальца, нашел разорванное сухожилие, сшил вместе концы его, зашил кожу вокруг раны, обмотал

бинтом мою руку, положил ее на перевязь и сказал: «Не пользоваться этой рукой три недели». Это было и все. Но я не смогла больше заботиться о чудесной Бэмби...

Мы продали ее очень хорошим людям с фермы, у которых было два самца этой же породы, и им требовалась наша молодая, красивая самка для разведения. С ними она жила намного счастливее.

На следующий же день произошло чудо. Этим людям пришлось уехать и они оставили Бэмби одну в кухне. Она выпрыгнула прямо сквозь открытое окно (разбив его на осколки) и погналась за проезжающей машиной. Сосед, увидев ее действия, подпрыгнул и закричал: «Лежать!» Бэмби, пристыженная, поднялась на ступени своего нового дома и легла. И она никогда больше не преследовала машин!

Тем не менее, было одиноко без любимого животного. Поэтому мы все обрадовались, когда Сандре была подарена молодая сиамская кошечка ее учительницей пения, которая не смогла ухаживать за этим энергичным животным в своей расположенной высоко крошечной квартирке в старом городе.

Голубоглазая Соса была прелестна и любила приключения. Однажды она исчезла! В испуге мы обыскали все и везде и дали объявление в газету, но прошли две недели без результата. А затем работавший у нас строитель вбежал и рассказал, что он слышал крик кошки в самом последнем доме в нашем ряду. Тот дом находился в перестройке и стоял пустым уже две недели. Я помчалась туда и, действительно, когда мы открыли дверь, Соса была там, истощавшая, но живая. Она вспрыгнула на мое плечо и начала рассказывать мне о своем приключении. Она совсем охрипла к тому времени, когда мы добрались домой. Выжила она благодаря тому, что один из кранов в кухне капал. Мы кормили ее очень осторожно, понемногу за один раз, и все наладилось к лучшему.

В конце концов, мы нашли для Сасы соответствующего ее породе мужа (с хорошей родословной), и они оба устроили шумную и бурную «свадьбу» в запертой студии наверху. В положенное время Саса родила четырех котят. Мы обустроили для ее семейства мягкую постель в большом чемодане. Одной из нас (Сандре или мне) приходилось нежно гладить ее по спинке, и она мурлыкала между рождением своих малышей. Они были почти белыми сначала, но вскоре их ушки, хвостики и мордочки потемнели, а глаза стали большими и чудесного голубого цвета. Они быстро развивались, ножки удлинились, и они нашли сами дорогу к своей коробочке для туалета уже через 3 дня после рождения. Наблюдать за их играми было интереснее любого волшебного шоу. Мы устроили для них вечеринку-показ и продали трех котят (у всех были родословные). Оставили себе только Замбези. В конечном итоге он и Саса закрепились за нами, и были восхитительными друзьями семьи на многие годы.

Жизнь редко течет гладко слишком долгое время. В семье Маеми произошла трагедия. Младший брат Андреаса, которого мы называли «Буш», умер внезапно от инфаркта в возрасте сорока лет. Буш был математиком высокого ранга. Несколько лет он работал в Научно-исследовательском институте Принстона, бок о бок с Оппенгеймером и другими знаменитыми учеными. За несколько недель до своей смерти он получил выгодное место в одной важной компании, занимавшейся новыми энергетическими ресурсами. Он помещался в Чикаго (в Винди Сити), поэтому вся семья Буш – Сетти (его швейцарская жена) и двое мальчиков (Майкл – двух лет и Мартин – четырех) переехали в свой большой новый дом и как раз начали обустраиваться там.

Сети не испытывала недостатка ни в смелости, ни в талантах, но она была в стесненных обстоятельствах в новой и незнакомой стране и явно нуждалась в помощи. Поскольку у меня все еще был паспорт США, и я была «дома» в Америке, кроме того, что я была умелой в практических делах, именно я была выбрана для этого.

Фатерхен оплатил мои перелеты: гигантский реактивный самолет до аэропорта Кеннеди и местный рейс от аэропорта Нью Джерси до Чикаго.

Я нашла Сети спокойной, но потерянной. Она уже организовала величественное и трогательное поминание, пригласив начальство и коллег своего мужа (с короткими речами и некоторыми отрывками из его любимой музыки). Теперь она была занята разборкой его бумаг и принадлежавших ему личных вещей. Два беловолосых мошенника, Майкл и Мартин, были шумными, веселыми, энергичными и совершенно дикими. Их любимым занятием было увидеть, кто сможет вырвать больше волос из головы другого! Но они были красивыми и чудесными.

Я взяла на себя организацию отправки всех нас кораблем от Нью-Йорка (три недели позже), а также и грузовую перевозку для множества вещей, которые Сети хотела забрать в Швейцарию. Остальное должно было быть продано, по большей части по объявлениям в газетах. Были еще и сортировка, упаковка, написание необходимых бумаг и писем. (Сети не умела ни печатать, ни водить машину). О, дел было полно! Вечерами я танцевала с Майком на руках под какую-нибудь хорошую музыку по радио, которая подходила нам обоим.

А затем произошло нечто чудесное! Около 6 часов раздался стук в кухонную дверь. Я уже почти была готова к приготовлению нашей вечерней еды, и... вообразите мое удивление! Появилась незнакомка, несущая в руках полный, горячий готовый обед для двух взрослых и двух детей. Не ожидая благодарности, она сказала только: «Кто-нибудь еще принесет вам обед завтра».

Да, вся улица, зная о тяжелом положении этой семьи, организовала этот удивительный акт помощи и доброты. Каждый вечер новый человек приносил нам прекрасный горячий обед. Мы так и не узнали их имен, но память об этой добровольной щедрой доброте навсегда останется ярким светом в нашей памяти. Это было типично для Америки!

Вскоре настало время уезжать. Большой Шевроле Седан был наполнен доверху. На нем двое разбойников играли и дрались и, славно и хорошо проводили время. Мне пришлось вести машину по зимним дорогам, иногда заметенным снегом. Мы переночевали в мотеле и прибыли в Принстон ближе к вечеру следующего дня. Я оставила Сети и мальчиков с кем-то из ее бывших друзей и поехала в дом мамы, надеясь на горячую еду, ванну и хороший отдых. Мама проводила вечер игры в бридж. Она ожидала, что я тоже приму участие...! О, хорошо! Я сыграла несколько раздач и удалилась.

Через два дня друзья отвезли нас в гавань Нью-Йорка со всем нашим багажом и множеством ящиков. Это было бурное зимнее плавание. Наши чемоданы постоянно скользили из-под кровати Сети под мою кровать и обратно. Но я была хорошо обеспечена дромамином (от морской болезни) и стала очень популярной на борту этого корабля. Мальчишки, конечно же, чудесно проводили время в этом новом приключении. Веревки и защитные сетки были натянуты повсюду, и поэтому несчастных случаев не было. Даже Сети получила небольшое удовольствие от путешествия, особенно на праздничном капитанском обеде, когда мы все получили милые подарки.

Андрюша встретил нас в Гавре и на следующий день мы все сели на поезд в Базель. Фатерхен тепло обнял меня. «Ксения», сказал он, «Выбирай любой рояль, какой нравится – я куплю его тебе». Боже мой! Мечта всей жизни становилась возможной! Я могла выбрать новый Стейнвей, но я не сделала этого. Я ходила по магазинам и просматривала газеты в поиске хорошего подержанного рояля. И нашла! На чердаке старинного дома – старый прекрасный Блютнер, который пробыл в молчании и одиночестве совсем недолго. Профессиональный специалист пришел со мной, чтобы проверить тональность. Он играл хорошо! Я сидела со слезами, стекавшими вниз с моего лица. Это был тот самый

инструмент, о котором я мечтала всем сердцем! Предвоенного производства Блютнер – один из превосходных роялей! А цена? 6 тысяч шведских крон – немного больше тысячи американских долларов! Сейчас он бы вероятно стоил более 40 тысяч австралийских долларов. Моя «находка» была аккуратно перевезена в мою студию в Теви и стала самым дорогим другом. Я все еще играю на нем каждый день.

Сети завершила покупкой удобного, уютного дома в пригороде, рядом с Цюрихом (ее родным городом). Она прибавила к этому весьма большой плавательный бассейн и батут в задней части дома, поэтому мальчики, Мартин и Майкл, росли с акробатическими навыками. Они также унаследовали отличные умственные способности от своего отца. Оба хорошо учились в университете и закончили его с отличными знаниями электроники, компьютеров и математики.

Детьми они несколько раз посетили нас в Теби. Позже Мартин однажды провел с нами целый год в Линкепинге. Дада предоставил ему работу в компании энергетических исследований. Майкл и Сети приезжали дважды, и вместе с Дада они совершали чудесные длительные походы в Лапландию, дикий прекрасный край, населенный дикими оленями. Мартин играет довольно хорошо на флейте и является исполнителем трюков, катаясь в каное сквозь стремнины. Сети хорошо поработала, чтобы поднять сыновей!

Тем временем Андрюша собирал копии всех своих публикаций в трех экземплярах и относил их в больших чемоданах разным официальным экзаменаторам. Он старался занять ведущее место в Лаборатории судебной медицины – конкурсное и важное стремление. Ну и, конечно, его выбрали! И он стал профессором со многими новыми заманчивыми обязанностями. Ему это очень нравилось, и он был популярен среди своих сотрудников.

Однажды кто-то сфотографировал, как он карабкался в свой офис сквозь довольно узкое окно, с одной из моих картин под мышкой (он позабыл ключи), потревожив всю сигнализацию в этом очень секретном здании, которая собрала множество охранников и полицию.

Несмотря на неформальный и свободный дух среди сотрудников (а может быть и благодаря этому) Шведский институт судебной медицины скоро приобрел самую высокую репутацию по оборудованию и качеству выполнения работ.

Два события национальной важности приблизительно в это время произошли в Швеции. Первым было изменение левостороннего движения транспорта на правостороннее. Это было логичным действием с тех пор, как соседние скандинавские страны уже имели правостороннее движение. Приготовления, включая лекции и курсы для водителей и пешеходов, были проработаны досконально до последней детали. Точно в полдень одного прекрасного дня волшебник повернул свой плащ – послышался резкий звук, и все стало тихо. Следующий громкий, чистый сигнал прозвучал, и все машины на улицах и дорогах двинулись тихо и медленно к противоположной стороне улицы. Я была назначена присматривать за школьным переходом. Ведь дети должны были научиться следить за новым, отличающимся от прежнего, направлением движения транспорта. Все это произошло одновременно не только в Стокгольме, но и по всем другим дорогам, во всех других городах и деревнях. Не было ни одного единственного несчастного случая, ни одной ошибки. Поистине, поразительное представление!

Вторым важным делом была децентрализация. Стокгольм разрастался (как и большинство городов), но не мог расширяться, поскольку он был построен на скалах и окружен водой. Поэтому большое число его институтов и организаций должны были переехать куда-нибудь еще. Институту судебной медицины повезло. Он переезжал в очаровательный университетский городок Линкепинг в трех часах езды на юг от Стокгольма.

Новому профессору (SKL) Научно-Криминалистической Лаборатории было отпущено совсем мало лет, чтобы спланировать и организовать свой новый институт до того, как начнется его строительство. Но месторасположение его уже было выбрано: он должен был находиться с одной стороны близко к Университету и рядом с теннисными кортами с другой стороны.

В Швеции обучение игре на музыкальных инструментах (чаще на фортепиано) было частью обычной учебной программы, поэтому преподаватели игры на пианино были востребованы. Меня попросили стать «подменяющим преподавателем» в одиннадцати общественных школах Теби. Это означало, что я должна была перескакивать из одной школы в другую, если постоянный преподаватель заболел (или по какой-то причине занят). Мне это очень нравилось, и я открыла много талантов, которые преуспели в моем новом современном методе игры. Конечно, было не легко дать всего один (случайный) урок ученику другого (обычно очень отличающегося по стилю) учителя. Но я действительно была в состоянии исправить некоторые, особенно грубые ошибки и предложить легкое решение сложных моментов техники и музыкальности.

Однажды Андрюшу пригласили приехать в Токио и поработать в Лаборатории судебной медицины в течение полугода. Несколько месяцев мы оба изучали японский язык, и я приехала к нему в Японию на три недели. Наша учительница японского языка, которая жила в Фукуоке, ее муж и двое маленьких мальчиков были изумительно щедрыми хозяевами. Они организовали нам чудесную поездку в прекрасную и величественную страну вулканов. Мы уже достаточно хорошо управлялись с японским языком. Андрюша был очень доволен лабораторией. Ведь там посередине был теннисный корт!

Уехав из Японии, я продолжила дальнейшее путешествие в Кругосветном туре. И смогла навестить свою сестру близнеца. **Вообразите себе эту радость! Она уже получила степень магистра в литературе и преподавала в высшей школе в Санта Барбаре. Кроме того, Она писала роман!**

Тем временем Сандра подрастала. Она провела 2 года в США, с моей матерью и Володей. К этому времени она успешно окончила среднюю школу и теперь училась музыке. Она, конечно, была счастлива приехать домой. Со временем нашла работу и влюбилась в милого и умного грека из Корфу.

Софокл Сальванос был мажордомом американского посла в Стокгольме, и проводил почти все свободное время в нашем доме! Когда Сандре было только девятнадцать лет (6 октября 1965), в лучшей больнице Стокгольма родился их сын. Я была в коридоре, рядом с родильным помещением, и услышала его крик. Боже! Мальчик! Почти сразу же затем оттуда выкатили носилки с какой-то фигурой на них. Что? Уже? Но это была не Сандра или ее дитя, это был Софокл, ее муж, который потерял сознание (возможно от счастья!)

Мы добавили еще одну комнату к нашему дому (глядящую в сад), и у молодой семьи было их собственное место. Малыш был источником счастья для всех нас. Его назвали Андреас (Энди или Неа – коротко). Жизнь получила новое измерение, новый смысл. Андрюша стал «Деда», а я – «Яаяя» (бабушка по-гречески).

Сандра была чудесной матерью, но ее брак с Софоклом не был долгов. Их образ мысли и стиль жизни слишком различались, чтобы сделать возможным счастливое и гармоничное замужество. Когда Нео было 2 года, отец его уехал в Корфу, и позже родители, в конце концов, развелись.

Софокл женился вторично (на норвежской девушке) и у них были сын и дочь, но и этот брак также пришел к расколу и довольно быстро. Как бы то ни было, у греков очень сильно развито чувство «семьи». Все Сальваносы оставались друзьями, время от времени встречаясь, и все чувствовали себя близкими.

С ребенком в семье наши летние каникулы стали особенно важными и очаровательными. Мы всегда накапливали достаточно денежных средств на протяжении

каждого года, чтобы получить удовольствие от настоящего отпуска. Чаще всего мы ездили на машине – все четверо. Неа, уже двухлетний, мог определить с одного взгляда марку любой машины, проезжавшей мимо. В наших путешествиях по прелестной Дании и по автобанам вдоль Рейна, он обычно приклеивался к заднему окну, приветствуя все, что мы проезжали: «Здравствуй, туннель!» или «До свидания, земля!» и т.д. Мы обычно проводили ночь у каких-нибудь хороших друзей на пути в Любек, Баден-Баден и многие другие города в Швейцарии. А чудесный визит во французский дом на ферме – студия старого близкого друга Дада, чей мальчик стал моим крестным сыном. Я всегда брала с собой несколько своих полотен и оставляла одно на каждой ночной остановке, как «благодарность» за гостеприимство, которое мы получали. Я полагаю, что некоторые из моих картин до сих пор висят на стенах наших друзей.

В двух случаях мы летали на «Скомплектованных отпускных рейсах». Один из них был в Португалию. Наш отель стоял прямо на дюне, близко к морю. Из высокого окна (шестой этаж, кажется) мы могли смотреть прямо на арену боя быков. Это было зрелищно, но мы не получили удовольствия от этого пленяющего показа того, как дразнят, причиняют боль, а иногда и убивают крупное, красивое животное. Мы больше предпочитали чудесный пляж, большие волны и очень вкусную пищу из морепродуктов, которую можно было найти как в небольших деревнях, так и даже в небольших киосках прямо на пляже. Другой авиарейс отвез нас на Черное море в Румынию. Такой красивый и добрый народ! И так плохо руководится своим коммунистическим правительством! Но наш отпуск и путешествие Дада в страну Дракулы были превосходными и очень интересными.

Для Дада наступило время сидеть часами с главным архитектором, изучая планы и принимая решения по поводу его института. Было много волнений.

Нам также пришлось поехать в Линкепинг и выбрать участок для собственного дома. Мы с большой неохотой уезжали из Теби. Но, поскольку нам приходилось уезжать, мы сделали новый дом как можно более похожим на дом в Теби. Он был немного больше и стоял в огромном ровном поле (деревья были как раз через дорогу). Большая студия наверху была очень хорошей, но мы решились поставить мой любимый Блютнер в гостиной внизу.

Пригород, Стьюэфорс, был прелестным выбором. Наш дом был последним около тупика улицы с тремя домами с каждой стороны. Семьи этих шести домов составляли свою маленькую общину почти похожую на одну большую семью. И мы сразу же испытали чудесное чувство «пребывания среди друзей».

Когда началось строительство дома, Дада и я ездили в Стьюэфорс каждый выходной и красили кучу деревянных частей, которые строители оставляли нам (с инструкциями). Таким образом, все балконы, оконные рамы, двери и ящички красились до подъема на место. И мы оба стали «мастерами-малярами»!

Мы переехали в этот дом в 1977 г. Неа было 12 лет, и он быстро привык к новой школе. Она стояла близко к небольшой реке, где летом было большим удовольствием заниматься водным спортом. Он также сформировал группу футболистов, и вскоре у него уже было много друзей. Сандра проявляла большой интерес к «молодому поколению» и устраивала для них «игры в приключения» в нашем доме.

Начнем с того, что в моих руках был полностью наш, так называемый, сад, который состоял по большей части из глины (верхний почвенный слой соскребли прочь скаредные строители). Нам требовалось множество песка и торф и мощный смеситель, чтобы все взболтать. Я посадила на поле картофель с каждой стороны. Невероятно, но некоторые из наших картошек были размером с дыньку! Белые и очень вкусные! Мы устроили огромную «картофельную вечеринку» для нашей «Большой семьи». У нас также были чудесные кусты малины, несколько берез и целый ряд потрясающих подсолнечников.

которые доросли до окон моей студии, с большими, характерными «лицами», которые я так любила писать.

Я установила контакт с одной из музыкальных школ Линкепинга и скоро стала преподавать игру на фортепиано в другом пригороде. В этой школе была сцена с роялем, и мой новый метод снова совершал чудеса! Конечно, довольно много наших стьюэфордских юношей стали моими «новичками», а несколько друзей пианистов присоединялись ко мне, чтобы играть пьесы в 4-ре руки, поэтому пальцы редко были в бездействии! Хотя моя готовка имела приоритетную оценку!

Дада был счастлив в чудесном новом институте. За время нескольких лет жизни в Линкепинге он сумел организовать не один, а два Международных Конгресса в своем институте! Мы, конечно, были главными хозяевами. Один из коллег, из Сиднея, остановился в нашем доме. Двое японских коллег спали на ковриках в моей студии. Я устроила прием с праздничным обедом для всех.

Шведская Лаборатория стала хорошо известной и высоко уважаемой во всем мире судебной науки.

Зимы в Линкепинге имели как трудности, так и свои чудеса. Даже на зимних шинах мне бывало нелегко доехать по ветреной узкой дороге до моей музыкальной школы, когда валил снег, и я почти не видела дорогу. И там были такие груды снега, что нужно было разгрести лопатой. Но было и очень красиво. Мы часто строили небольшие снежные пирамиды из множества снежков и помещали внутрь зажженные свечи. Это выглядело волшебным! А лыжи! Нет, не сложный слалом, но бег по пересеченной местности, через замороженные озера и следовать по тропинкам в лесу среди ослепительно украшенных свежим снегом деревьев.

На одну из наших вечеринок «большой семьи» наши соседи Геран и Бригита отвезли нас на красивом длинном ветряном буере на холм в лесу. У них были хорошие сани и большой контейнер горячего вина и чашек. И так мы устроили гонки (для взрослых): кто сможет сделать самый длинный съезд вниз (два человека в каждом заезде). Представьте себе, я и Геран выиграли эту гонку! (Возможно потому, что я была самой легкой из всех). Смеясь и потягивая вино, мы вернулись к их дому и к прекрасному горячему обеду.

Наконец пришло время Неа получать аттестат в средней школе. Эти церемонии окончания учебы были неформальны и очаровательны. Школьный двор был полон счастливых семей и друзей с цветами, шариками, подарками и большими картонками с именами учащихся. Юноши и девушки появлялись изнутри здания, один за другим, проходили очень короткий устный экзамен, получали аттестат и чудесную белую ученическую шапочку (прелестная традиция) и искали надпись со своим именем. Вокруг было ликование, объятия, подарки, крики «Браво!» «Отлично!» и т.д. Затем профессиональный фотограф сделал общие фотографии всего класса, и все эти ученики в новеньких белых шапочках уехали на машинах или мотоциклах прочь, чтобы праздновать (часто до глубокой ночи!)

Так или иначе, Дада дописал книгу «Химическая криминалистика» между выполнением всех других дел. Эта книга, изданная Шпринглер-Ферлад, используется как учебник в судебных медицинских лабораториях по всему миру. Я же помогала ему с переводом на английский язык, как только могла.

В 65 лет Андреас был отправлен на пенсию со своей должности в качестве главы Научной Криминалистической лаборатории. Ему было устроено теплое и трогательное прощание. Он с удовольствием одобрил выбор своего преемника, прекрасного физика, Ингвара Копа, который успешно следовал по следам Андреаса.

Но жизнь стала пустой без работы. Дада стал искать что-нибудь другое. К своему счастью он получил приглашение от Австралийской полиции поступить на службу во вновь формируемую Лабораторию Судебно-медицинских исследований в Аделаиде в должности консультанта и исследователя. Оплата перелета (для нас обоих) была бы обеспечена, плюс небольшая зарплата в течение 2-х лет. Дада и я были в восторге и согласились без колебания.

Дада пришлось покинуть Швецию первым. Он приехал в Аделаиду на свою новую работу в середине 1984 г.

Мне же пришлось заняться работой по продаже дома, машины и всего остального, что мы не могли взять с собой.

Сандре и мне пришлось паковать наше имущество. Мы использовали пустые пространства мебели, снимая дверцы и взвешивая их. Аккуратно упакованные нашей посудой, кухонными кастрюлями и другими «сокровищами», мы заколачивали их сверху некоторыми из моих больших полотен подходящей формы. Мы, конечно, переворачивали их и с задней стороны отчетливо писали наши имена и место назначения. Это была «художественная упаковка».

Рояль был унесен на руках специалистами и совершил длительное путешествие на корабле вполне сохранно! Все еще оставалось множество моих полотен «в масле», которые я надеялась продать. Я отправилась в главный банк в Линкепинге и спросила у управляющего разрешения развесить мои полотна на серых, огромных стенах его банка. Он обрадовался этой идее, но мне пришлось развешивать их самой, когда банк был закрыт для публики. В конце - концов (с помощью) я сумела повесить около двух дюжин «самых больших», и банк преобразился за ночь! Он светился чистыми, яркими цветами, и все мои картины были проданы!

Для остального «мелкого хозяйства» мы организовали «дешевую распродажу» в гараже, раздавая большую часть вещей бесплатно...

Новые владельцы нашего дома желали въехать как можно быстрее, поэтому после последнего **шведского Рождества мне вместе с Сандрой и Неа пришлось улететь в Новый Свет.**

Двум «молодым» пришлось въехать к одному из наших соседей, пока их визы Постоянного пребывания были одобрены и приняты властями. Эта процедура потребовала нескольких беспокойных месяцев...

В тот день, когда я улетала, было холодно, и шел снег. На мне была самая теплая зимняя одежда, и я несла большую заплечную сумку, чтобы сложить все теплое с себя, по прибытии в Сингапур. Праздник был в самом разгаре. Посреди украшенного на Рождество вестибюля отеля стоял размером с входящих людей Пряничный Домик, весь сделанный из кексов и конфет!

Все пили бесплатное шампанское, обнимались и целовались друг с другом – и я не оказалась в одиночестве! Радостный дух Великого праздника был непреодолим! Какой радушный прием в мой Новый Мир!

На следующий вечер я села на ночной рейс на Сидней. Дада и его друг (тот самый, который был нашим гостем в Линкепинге) встретили мой самолет. Теперь мы были их гостями! Эти два дня в Сиднее промелькнули как сон. Белокрылый Оперный театр, где мы прослушали струнный квартет студентов из Консерватории, был видением красоты. Чудесные Ботанические сады были местом очарования, а обед над Заливом был восхитительно вкусным! Все было таким Большим, таким Свежим, таким Новым...

Все же самым лучшим было наше прибытие в Аделаиду – наш новый дом! С воздуха она выглядела как большой парк, с пляжами, окаймляющими одну сторону, и зелеными холмами – другую. Она была более мирной (спокойной), чем Сидней и я полюбила ее с самого начала.

Дада уже купил Мицубиси Стейшн Вэн (очень полезный для всех наших перевозок), но пользовался Глинельдским трамваем, чтобы ездить в свою Лабораторию. Эта быстрая и восхитительная трамвайная линия (единственная в Аделаиде) – наш любимый вид транспорта!

Но, в конечном счете, нам пришлось оставить Глинельд и трамвай и искать дом для всех нас четверых!

Мы нашли красивый дом, принадлежавший семье врача, в районе Западных озер для аренды на время пребывания владельцев в Шотландии. Место было прелестным, имелся очаровательный сад, и было даже ближе к более красивому пляжу, чем в Глинельде.

В середине февраля 1985 г. Наши двое младших, наконец, приехали и присоединились к нашему новому Приключению!

Все были счастливы! Корабль с нашим контейнером тоже прибыл несколькими неделями позже. Мы перевезли рояль в жилище в Западных озерах (West Lakes), а остальное положили на хранение.

Затем начали искать для себя постоянный дом. Нам нравился Вест Лейкс, но Глинельд (и трамвай) были удобнее, практичнее и дешевле!

Сандра нашла объявление, которое было как раз подходящим! – дом из двух частей с садом, в Глинельде, который выставлялся на аукцион в следующее воскресенье. Двое милых друзей, хорошо ориентировавшихся в этом, помогли нам в заявках цен, и мы выиграли этот приз по неплохой цене! Итак, адрес 62, Brighton Rd, Gleneld, SA5045 стал нашим семейным домом на все оставшиеся дни (во всяком случае, для двоих старших).

Нам с Дада пришлось дожидаться, пока семья доктора не вернулась из Шотландии, но Сандра переехала в новый дом сразу и занялась необходимыми усовершенствованиями.

Дом был 80-х годов, но хорошо построенный, с высокими потолками, делающими его прохладным летом и теплым зимой. Но он был в плохом состоянии, и практически **все** требовалось поменять (или достроить). Две новых ванных, две новых кухни, всю электропроводку, новую крышу, новый забор, террасу и патио для пребывания на свежем воздухе и т.д. и т.п.

Нам повезло, что мы нашли чудесного «прораба» Пэт, которая привела команду специалистов для каждого вида работ! Они все скоро подружились с нами, и перестройка нашего гнезда стала скорее весельем, чем мучением.

Два мастера по малярному делу вскоре работали со своими большими ведрами красок нежного тона. Каждая комната начала сиять свежими красками, украшенная какими-нибудь старыми или новыми картинами...

Да, я поучаствовала в нескольких живописных классах. Они очень отличались от моего шведского курса в Стокгольме – все участники сидели вокруг большого стола с небольшими фотографиями, или иллюстрациями из журнала, установленными перед ними – проводя в чистом виде курс выполнения, до некоторой степени, копии (но увеличенные) своей «модели».

В игре на фортепиано я тоже встретила с недостатком живого, прогрессирующего и поощряющего интереса. Акцент только строго на «профессионалов», где преподавание и концерты очень хороши, но «новички» и музыкальное образование – только предмет, чтобы повеселиться по этому поводу и предать забвению.

Я попыталась «посодействовать» внедрению моего нового метода техники игры на пианино в австралийские музыкальные школы и донести его до преподавателей. Декан лучшей музыкальной школы в Аделаиде провел со мной целый час, обсуждая и восхваляя мою «чудесную рукопись». «Это как раз то, что так необходимо здесь!» - воскликнул он... Я оставила ему свои материалы – и на этом все и закончилось! Музыкальные издательства, которым я отправила свое «Руководство по обучению» не заинтересовались: «И так уже слишком много методов в музыкальных магазинах!»

Тем временем в поисках независимости Неа поступил на один год в Ньюкаслский университет (New South Wales). У него были таланты и интересы во многих областях, но музыка определенно была самой стимулирующей и наиболее соответствующей ему из всего! Он выбрал бас-гитару в качестве своего инструмента. Какая радость слушать, как он на ней играет.

В 1987 г. Ему повезло стать студентом знаменитого музыкального института в Голливуде, на интенсивном одногодичном курсе, где преподавали самые «легендарные» преподаватели в этой области музыкальной профессии.

Счастливым и взволнованным он прибыл в аэропорт Лос-Анжелеса, как раз когда Дада и Йайа тоже были там – благодаря серии замечательных совпадений...

На самом деле мы находились на Научном судебном конгрессе в Ванкувере пару предшествующих недель, и после его завершения продолжили поездку на юг, чтобы посетить наших близких друзей в Сан-Франциско и мою близняшку в Санта Барбара! И мы оказались там как раз во время, чтобы встретиться с нашим возлюбленным Неа в аэропорту Лос Анжелеса!

Мы провели чудесную неделю вместе, больше всего с Айрис (моей золотой девочкой) и ее мужем Доном (мы вдвоем остановились в их доме на Лонг Бич). У них было 5 детей (четверо из них усыновленных), теннисный корт рядом с домом и красивый летний домик в испанском стиле у пляжа в Мексике, где мы все провели несколько восхитительных дней!

Это были и вправду чудесные и, возможно, последние «каникулы» в моей жизни!

По мере того, как я приближалась к своему восьмидесятилетию, я размышляла с нежной грустью о мирной и спокойной старости, в то время как она становилась все более очевидной с каждой проходящей неделей, в которые я вступала, как в самые деятельные, самые трудные и интенсивные периоды моей жизни!

Возможно побуждающий эффект большого свежего Нового Мира создавал волну обновленной созидательной энергии! В любом случае мои масляные полотна стали лучше и сильнее – самые лучшие картины на наших стенах датированы от 1989 г. до 1993 г. Я обычно брала свой модельный материал с собой на наши заседания художественной группы, а писала из жизни, стоя и отодвигаясь назад, чтобы получить хорошую перспективу.

Молодой китайский преподаватель изобразительного искусства и мой друг, Пала, подбадривал меня. Фактически, мы часто работали в моей студии, т.к. у него не было собственной (он был недавним эмигрантом из своей замученной страны). К настоящему времени он стал успешным и плодовитым художником.

Тем не менее, расстроения были многочисленны! Художественное общество Аделаиды, членом которого я состояла, отложило 5 моих произведений, которые я представила на выставку, в небольшой чулан и не вывесило ни одной из них!

Общество современного изобразительного искусства, в которое я послала подборку фотографий моих лучших полотен, вернуло их через несколько недель, без единого слова комментария. Мне кажется, что мои достижения не были достаточно «австралийскими», и меня рассматривали как дилетанта, каким я, возможно, и была...

В любом случае у меня было много другого чем заняться!

В течение Международного Конгресса в 1987 г. в Ванкувере Дада и я были очень заняты в своей небольшой кабинке на балконе, содействуя выбору Аделаиды, как места проведения следующего Конгресса (они проводятся каждые три года). Нашим главным моментом привлечения были продававшиеся маленькие, очаровательные, мягкие коала мишки, которых можно было повесить в машине, над сиденьем водителя, или еще где-нибудь. Мы раздарили сотни их вместе с фотографиями нашего прекрасного города!

Ну, вот и настал конечный 1990 год! Коала мишки явно выиграла конкурс. Международный Конгресс Судебной медицинской науки проводился в Аделаиде. Он открылся 24 октября Гала приемом и длился 5 дней. Было представлено свыше 50 национальностей! Бил Тилстон, начальник Деда, стал Президентом и гордо носил красивую президентскую цепь. Дада был назначен вице президентом и принимал активное участие во многих лекциях и событиях. Я даже организовала «шведский стол» для своих друзей из Линкепинга. В целом Конгресс имел большой успех!

В середине декабря приехал Неа со своей любимой, умной и красивой Кэти (калифорнийской девушкой), чтобы провести с нами Рождественские праздники.

А несколькими днями позже я свалилась с жестоким приступом панкреатита! Поэтому мне пришлось провести 2 Рождественских недели в больнице с дренажом в животе и внутривенной капельницей в руке, но зато очаровательный врач и ежедневные посещения Деда, который нес мою капельницу за мной, когда мне нужно было погулять!

«Младшие» тоже пришли и принесли мне Рождественские подарки и ободрение. И так, это было не так уж и плохо, и когда я вернулась домой, как раз после Нового Года, я почувствовала себя обновленной!

Все было еще прекраснее и чудеснее чем прежде! Будучи еще слабой я открыла крышку своего Бютнера и заиграла мелодию... Боже! Я изобрела ее! Я могла теперь «импровизировать»! Это было началом нового созидательного хобби! Более чем просто хобби – я вкладывала все свое содержание, ум и сердце в свои «импровизы»! Я нашла старый микрофон и использовала наш старенький магнитофон из Швеции, чтобы начать записывать свои новые создания. Чтобы пользоваться ими как личной информацией и Рождественскими подарками для самых близких друзей. Это было нелегко, поскольку у меня никогда не было возможности пройти курс композиции, но моим любимым девизом стало: «Никогда не слишком поздно учиться!» Мои записи становились все решительнее, тверже и лучше с каждой новой попыткой. Сейчас я на №14!

Но позже у меня было мало времени для рояля, и совсем не было для живописи. Мои приоритеты были направлены на гораздо более серьезную и тревожную ситуацию!

Это случилось в начале 1991 г., когда у нашего Дада начали появляться первые симптомы заболевания Альцгеймера. Я даже не знала о существовании этой болезни, пока врач Дада не рассказал мне, в чем была причина нашей беды. Андрюша начал терять контроль над словами, речью и даже памятью. Он находился в состоянии постоянного замешательства, тревоги и беспокойства. Ужасающее чувство страдания и давления в голове заставляло его колотить свои виски кулаками, как если бы он наказывал невидимого врага! Его доктор, которого мы любили и которому доверяли, предупреждал меня постоянно: «Будет становиться хуже, намного хуже...»

У Дада было два периода госпитализации (по две недели каждая). В течение первого периода было выполнено множество анализов и проведено опытное сканирование мозга Рентгеном. Старший невролог показал и объяснил мне рентгеновские изображения. Левая сторона мозга была почти вся повреждена. Огромная область его была черной – мертвые клетки. Правая сторона была вся чистая и здоровая.

Во время своего второго посещения больницы Дада разместили в отдельной палате, и невролог был занят испытанием всех возможных транквилизаторов, в попытке найти «самый лучший».

Боже! Когда я пришла, чтобы забрать и отвезти Дада домой через неделю, он был скорее роботом, чем человеком! Как раз в это время я нашла и жадно прочитала небольшую статью в нашей газете. В ней сообщались результаты работы исследователей о причине состояния Альцгеймера и способе воздействия на него.

Для меня эта информация была невероятно существенной и важной. Она стала моим «направляющим светом»! Цитирую здесь первый параграф:

Ученые Национального института здоровья говорят, что они обнаружили, как долго подозреваемый «преступник» убивает клетки мозга. Теперь мы знаем **причину**, и стало настоящим удалителем ее. Но **как!** Умные тельца преступников инстинктивно знали, что им необходимо находиться в движении и перемещении, ... но **почему?!?!**

Они пробудили во мне воспоминание об инциденте из периода нескольких минувших лет, когда мы еще были в Линкепинге в Швеции. Была зима, и Дада катался на лыжах. Как раз через дорогу от нашего дома был холм с несколькими деревьями. Одна ветка, отягощенная снегом, повисла низко над лыжней. Дада не сумел достаточно склониться, его шапка слетела, и острый конец ветки сделал глубокую царапину на его оголенной голове. Когда он «доплыл» домой, я была не в состоянии поверить! Все лицо его было ярко красным от артериальной крови, капающей с его носа и подбородка. В больнице ему наложили два или три шва и приклеили пластырь. Повреждение было небольшим, Струйка свежей, **обогащенной кислородом крови** была вызвана **упражнением!** (Моционом)? Это и было **ответом, который мы искали!** Упражнение принесло значительно возросшее движение свежей, насыщенной кислородом крови к голове больного. И была возможность разбавить, смыть и заместить загрязненную, темную кровь, содержащую убийственный «избыточный уровень» яда!

Итак, я запротестовала! Прежде всего, я убрала все седативные, наркотические и прочие лекарства. «**Ходьба** будет твоим единственным лекарством» - сказала я Дада. Он полностью со мной согласился, и мы стали «партнерами!» Нам понадобилось несколько дней, чтобы научиться ходить бодро. Но мы оба имели большое стремление и желание, поэтому, после четырех или пяти дней, мы придумали игру обходить всех других пешеходов, проявляя активность, напевая и даже пританцовывая. Таким образом, мы исследовали много красивых пляжных тропинок и тротуары наполненные садами района жилых домов этого прелестного Глинельга!

Мне кажется, что на шестой или седьмой день произошло это сенсационное и чудесное изменение! Дада вдруг остановился, взял мое лицо в руки и, глядя глубоко в мои глаза, прошептал: «С этим покончено...! Я так благодарен!»

Ужасные страдания и давление в его голове исчезли и не возвращались с тех пор...

Он стал счастливым человеком! Все стало «Чудесным!» Эйфория от его великого облегчения длилась несколько недель, и мало-помалу успокоилась до обычной, хорошо организованной рутины, с правилами и дисциплиной, которые были утомительными по временам, но необходимыми!

Чтобы обеспечить полное исключение яда из системы, я установила улучшенную диету. Ни жиров, ни конфет, ни печенья, ни закусок. Никакого алкоголя! Но много безалкогольных напитков, фруктовых соков и т.д. А также множество овощей (и фруктов по времени года).

Дада не разрешалось гулять одному, но в конце-концов мне дали для него двух чудесных «компаньонов для прогулки» (один – сильный молодой парень – Марк, другая – быстрая и восхитительная молодая дама – Линда), которые приходили 5 дней в неделю на часовую прогулку с Дада, и от которой они оба получали большое удовольствие. Он был

жизнерадостным, полезным всем, кто нуждался в добром, занимательном помощнике или в хорошем быстром ходоке.

Когда врач Дада вернулся из двухмесячного отпуска и «заскочил» проверить своего друга и пациента, он не поверил своим глазам! «Андреас», воскликнул он: «Ты не нуждаешься в моих инструментах! Я никогда не видел, чтобы ты выглядел таким здоровым и таким счастливым!» Он был рад признать свои прогнозы неверными, и что изменение в состоянии Альцгеймера у пациента было не к ухудшению, но в значительной мере к улучшению!

Конечно, Дада не был «вылечен»! Повреждение, уже нанесшее потери, предшествующие нашему новому режиму, было неизлечимо. Никто не может оживить мертвые клетки.

Но дарованное время и подбадривающая, стимулирующая атмосфера, оставшиеся «неповрежденными» клетки имели способность возмещения, смены и узнавания нового! Дада выучил несколько фраз по-русски, и каждый день мы проводим около десяти минут в обучении его тому, как производить чистые красивые ноты (современным способом используя вес руки) – базовое начало изучения игры на фортепиано! Он любит это – «Чудесно!»

Естественно я постоянно спрашиваю себя: «Если можно принести помощь и облегчение одной жертве Альцгеймера – то **почему же не многим?!**»

Я пишу заметки и письма редактору, и некоторые из них публикуются! Я распространяю копии повсюду, но отклик ограничен. Мой голос слишком незначителен, а принятая **система слишком устойчива!**

Но я не «сдаюсь», и всегда есть надежда!

Люди, которых мы встречаем на своих прогулках, и с которыми ежедневно видимся, дарят нам удивительно теплую моральную поддержку, интерес и привязанность. Детям нравится весело разговаривать с Дада и радоваться его играм. Взрослые поощряют и приветствуют наше необычное и бравое поведение.

Моя сестра-близнец была так воодушевлена нашим достижением, что отправила мою статью «Эта прекрасная история» Хилари Клинтон с приложенным радостным письмом. Кстати, Ирина теперь живет в Бенд (Орегон), рядом со своей младшей дочерью Джоани, у которой ферма с небольшим количеством лошадей. Ирина тоже играет на рояле, используя увеличенную нотную запись, потому что ее зрение почти так же слабо, как и мое! Она разбирает Скерцо Шопена, и не менее того! И все еще ходит на лыжах по пересеченной местности для тренировки.

Мне хочется закончить мою «Маленькую эпическую поэму» на настоящей счастливой ноте. Наш внук (виртуозный бас гитарист) и его любимая Кэти приехали, чтобы разделить с нами наш дом на два входа в Глинельде в конце мая 1992г. Они поженились 15 февраля того же года в Калифорнии и решили поменять загрязненный, перенаселенный Лос Анжелес на свежий воздух и новый дух Австралии. Мы испытываем восторг!

Старые остатки гаража были переделаны в отлично сооруженную студию для музыкальной деятельности Неа и таких искусных художественных ручек Кэти. Она, настоящая художница, вступила в художественный класс росписи по стеклу, расположенный неподалеку, и записалась на курс акварельной живописи в колледж. Кроме того, она воодушевленный и неутомимый садовник, и поэтому наш запущенный сад изумительно расцвел.

Неа нашел две совместимых группы музыкантов, и он или занимается в своей студии, или репетирует со своими оркестрантами большую часть дня. Итак, «дети» радостно заняты развитием собственных жизненных устремлений!

Как бы то ни было, вскоре после приезда, и до завершения окончательных приготовлений и решений, «дети» совершили поистине чудесное! Они съездили в кругосветное путешествие!

С тех пор, как Неа рос в Швеции, у него появилось там много близких друзей. И было естественно, что один из них – любимый и добросердечный Роббан – приехал в Калифорнию, чтобы быть Шафером на свадьбе Неа. Теперь пришло время Роббана, и Неа попросили быть его Свидетелем. Отказаться было невозможно!

Во время наведения справок в Бюро Путешествий, молодые обнаружили, что самый дешевый тур в Швецию был кругосветным путешествием (т.е. всегда в одном и том же направлении). Кроме того, они могли посетить много других стран на желаемый срок пребывания. Это был потрясающий стимул!

Сначала они совершили милый и длительный визит семьи Кэти в Калифорнии. Затем последовала свадьба в Швеции и много разных поездок и приключений с друзьями. Неа был там «дома» и любил показывать Кэти свою любимую страну. Они провели там несколько недель. Потом последовал перелет в Лондон, и после этого несколько дней в Риме (как восхитительно)! Из Рима они сели на поезд, согласованный с расписанием корабля на Корфу (все по тому же самому билету!). Они провели три изумительных недели с Софоклом – отцом Неа, и братом Неа – Спиросом, с которым они играли и плавали в море, когда были детьми. Теперь оба стали высокими красивыми полугреками (мать Спироса – норвежка). Весь большой клан Сальваносов приветствовал их и «портил» своим обычно теплым гостеприимством. Поэтому «дети» великолепно провели время! Они вернулись в Рим на несколько дней, чтобы полюбоваться и насладиться его красотой. В завершение они полетели в Швейцарию и остановились на две недели у одного из музыкальных коллег Неа, а также и посетили племянников Дада – Майкла и Мартина. В целом это рискованное предприятие потребовало два месяца. Они вернулись домой усталые, но оживленные множественными путями чудесного опыта познания и счастливые началом своей собственной жизни.

Это чудесно, что расхождение во взглядах двух поколений не казалось создающей какие-нибудь проблемы в нашем сосуществовании. Двое молодых и двое стариков (один из них с болезнью Альцгеймера) придерживались каждый своего образа жизни, расписания, решения проблем, разных интересов, которые часто соприкасались, но никогда не мешали. Конечно, мы любили друг друга, помогали и разделяли мирно наших двух очаровательных кошечек и ее праздничные события.

Неа, со своим знанием записывающей электроники, нашел чудесное новое оборудование для записи моих новых фортепианных импровизов! Звук невероятно улучшился и влил особое вдохновение в мои достижения!

Он также нашел для меня портативную, электрическую пишущую машинку, на которой и сделано это «Путешествие», возможно, к лучшему, или к худшему...

Этот «Полет сквозь столетие» оказался калейдоскопической смесью крупных мировых событий и небольших личных опытов жизни, но он определенно был периодом многих великих изменений. Я заметила, особенно в течение последних пятидесяти лет, определенное переключение от «Жизненного стандарта» к «Качеству жизни». Действительно желанное изменение!

Возможно, растущая угроза перенаселения и опасность злоупотребления и разграбления природных ресурсов нашей планеты начали пугать и даже обуздывать чрезмерную гонку производства материальной продукции. Человеческие перспективы и чувство ценности улучшаются!

Вообще, после 10 лет жизни в этой стране «Вверх ногами», я могу согласиться с тем, что это остров (конечно очень большой остров), сильно расплюснутый с обеих сторон великими океанами! Это создает возбуждающее (хотя по временам неудобное) условие внезапных сильных изменений в температуре и сезонную нестабильность. Температуры могут меняться вверх и вниз на 20 град. за ночь. Холодная зима может содержать в себе волны тепла, а лето – периоды ледяных арктических ветров. Метеорологическая жизнь в Австралии не скучная!

Даже возраст старости может быть хорошим временем для доведения до совершенства, обучения, и работы по мере возрастания необходимости самовыражения и сдерживания торможения...

И все-таки это «повседневные дела», которые занимают нас больше всего! Всегда какой-нибудь новый сюрприз! Что-нибудь восхитительное, прекрасное, одушевляющее или изумляющее! Пусть же это продолжается столько, сколько существует жизнь!

Ксения М.

